

Сандра Браун

Хижина в горах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11953026

Сандра Браун. Хижина в горах: Издательство «Э»; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-84155-4

Оригинал: SandraBrown, "MEAN STREAK"

Перевод:

Ирина Ю. Крупичева

Аннотация

Эмори Шарбонно исчезает на горной тропе в Северной Каролине. К тому моменту, когда ее муж Джеф сообщает полиции о случившемся, следы Эмори уже невозможно отыскать – горы окутал туман и холод. Полиция подозревает Джефа, допрашивает его, но не спешит с поисками. Тем временем Эмори приходит в себя и понимает, что она стала пленницей ужасного человека и, кажется, у нее нет шанса на спасение, ведь ОН ни за что не попадет под подозрение!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	51
Глава 10	57
Глава 11	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Сандра Браун

Хижина в горах

© Крупичева И., перевод на русский язык, 2015

© ООО «Издательство «Э», 2015

Пролог

Боль захлестывала Эмори. Даже дышать было больно.

Казалось, туман вокруг наполнен чем-то невидимым, но колючим, чем-то вроде кристалликов льда или осколков стекла. Эмори была одета слишком легко. Ледяной воздух обжигал кожу на ее лице. От этого глаза женщины слезились, и ей приходилось все время моргать, чтобы не расплывалась тропинка.

У нее закололо в боку. Ощущение не проходило, коварно впивалось в нее. Боль от маршевого перелома в правой ступне остро отдавала в подбородок.

Но с болью можно было справиться, терпеть ее и даже преодолеть. Требуется лишь усилие воли и дисциплина. Эмори говорили, что у нее есть и то и другое. В избытке. Почти недостаток. Но именно ради этого и требовались все эти изматывающие тренировки. Она могла это сделать. Она должна была это сделать.

Давай, Эмори, прибавь. Одна нога, другая нога. Преодолевай дистанцию ярд за ярдом. Сколько еще осталось?

Господи, только бы не очень далеко.

Решимость и страх перед неудачей подстегнули ее, и Эмори побежала увереннее.

Затем где-то в глубокой тени деревьев раздался хруст. Потом Эмори почувствовала движение воздуха прямо у себя за спиной. Ее сердце сжалось от предчувствия катастрофы. Среагировать она не успела: из глаз посыпались искры, в голове как будто что-то взорвалось.

Глава 1

– Вот так больно? – доктор Эмори Шарбонно указала на рисунок детского лица, скривившегося от боли, из глаз крупными каплями текли слезы. – Или вот так? – она показала другой рисунок, на котором слегка нахмуренное лицо выдавало умеренный дискомфорт.

Трехлетняя девочка указала на самую ужасную картинку.

– Потерпи немного, малышка.

Эмори ввела отоскоп в правое ухо пациентки. Та начала вскрикивать. Действуя с максимальной осторожностью, успокаивая девочку, Эмори осмотрела ее ушки.

– В обоих ушах серьезная инфекция, – сообщила она измученной матери.

– Дочка плачет, не переставая, с того момента, как проснулась сегодня утром. Это уже второе воспаление за эту осень. Я не смогла записаться к вам на прием, когда уши болели в прошлый раз, и отвезла девочку в Центр скорой помощи. Там врач прописал нам лекарства, у малышки все прошло, и вот теперь все повторяется снова.

– Хроническое воспаление может привести к потере слуха. Нужна профилактика, а не просто лечение в случае заболевания. Вам следует подумать о том, чтобы положить ее в педиатрическое отделение.

– Я пыталась, но ни одно из них не принимает новых пациентов.

– Я могу положить ее в самое лучшее отделение.

Эмори сказала это не просто так. Она была уверена, что любой из ее бывших коллег примет ее пациентку.

– Дадим этому воспалению шесть недель, чтобы оно окончательно прошло, а потом я запишу девочку на прием. Пока я выпишу ей антибиотик и антигистаминное средство, чтобы ликвидировать жидкость, скопившуюся за барабанными перепонками. Чтобы снять боль, вы можете дать ей детское обезболивающее. Но как только подействуют лекарства, боль утихнет.

Не заставляйте ее есть, но следите, чтобы она побольше пила воды. Если девочке не станет лучше через несколько дней или поднимется температура, позвоните по номеру, указанному на этой карточке. Я на выходные уеду из города, и моих пациентов примет другой врач. Сомневаюсь, что вам потребуется экстренная помощь, но в случае необходимости вы будете в надежных руках до моего возвращения.

– Спасибо, доктор Шарбонно.

Эмори сочувственно улыбнулась женщине.

– Больной ребенок это тяжело для всех. Постарайтесь сами немного отдохнуть.

– Надеюсь, что вы весело проведете время в выходные.

– Меня ждет забег на двадцать миль.

– Звучит как испытание.

Эмори улыбнулась.

– В этом-то и смысл.

Выйдя из смотровой, она выписала рецепты и сделала запись в карте пациента. Потом она передала карту ассистентке, которая следила за очередностью больных.

Молодая женщина сказала Эмори:

– Это был ваш последний пациент на сегодня.

– Да, и я уже ухожу.

– Вы поставили в известность больницу?

Эмори кивнула.

– И службу ответов тоже. Я официально свободна на выходные. Доктора Батлер и Джеймс заняты?

- Да, у них пациенты. И у обоих очередь перед кабинетом.
- Я хотела заглянуть к ним перед уходом, но не стану их беспокоить.
- Доктор Батлер оставила для вас записку.

Администратор передала Эмори листок, вырванный из блокнота с монограммой. «Сломай ногу. Или что там еще желают бегунам на марафонскую дистанцию?» Эмори с улыбкой сложила листок и спрятала его в карман халата.

- Доктор Джеймс попросил меня сказать вам, чтобы вы остерегались медведей.
- Интересно, их пациенты знают, что лечатся у врачей-клоунов? – Эмори рассмеялась.
- Передайте им, что я сказала им «до свидания».
- Обязательно. Удачной вам пробежки.
- Спасибо. Увидимся в понедельник.
- О, я чуть не забыла. Звонил ваш муж и сказал, что он уходит с работы и будет дома, чтобы проводить вас.

* * *

- Эмори?
- Я в спальне.

Когда Джеф вошел в комнату, она как раз застегивала «молнию» на спортивной сумке. Намеренно вызывающим движением Эмори сдернула ее с кровати и надела ремень на плечо.

- Ты получила мое сообщение? Я не хотел, чтобы ты уехала, не попрощавшись со мной.
- Я думала успеть до пятничных пробок.
- Хорошая мысль.
- Взгляд Джефа задержался на Эмори, потом он добавил:
- Ты все еще сердишься.
- А ты нет?
- Я бы солгал, если бы сказал, что не сержусь.

Воспоминания о ссоре накануне вечером были еще свежими. Слова, выкрикнутые с гневом и неодобрением, казалось, все еще отдавались от стен спальни, хотя прошли часы с тех пор, как они легли в постель, повернувшись спиной друг к другу. Каждый лелеял враждебность, скрываемую месяцами и наконец дошедшую до точки кипения.

- Я хотя бы заработал очки, приехав, чтобы сказать тебе «до свидания»?
- Это зависит...
- От чего?
- От того, надеешься ты отговорить меня от забега или нет.
- Муж вздохнул и отвернулся.
- Так я и думала.
- Эмори...

– Тебе следовало остаться в офисе и закончить работу. Потому что я уезжаю, Джеф. Видишь ли, даже если бы я не планировала забег на завтра, мне все равно необходимо побыть одной. Ночь вдаль друг от друга даст нам обоим возможность остыть. Если пробежка выматывает меня окончательно, то я, возможно, снова останусь там на ночь.

- Одна ночь или две не заставят меня изменить мое мнение. Эта твоя мания...
- С этого мы и начали вчера вечером. Я не собираюсь сейчас снова с тобой ссориться.
- Причиной их ссоры стали ее тренировки для подготовки к марафону, но Эмори опасалась, что причины куда более глубокие. Не марафон был их проблемой, а брак.

- Именно поэтому ей так отчаянно хотелось уехать и подумать.
- Я там записала название мотеля, в котором остановлюсь сегодня вечером.

Они как раз проходили мимо кухонной стойки, и Эмори кивком указала на лежавший на ней листок бумаги.

– Позвони мне, когда доберешься туда. Я хочу знать, что с тобой все в порядке.

– Хорошо. – Эмори надела солнечные очки и открыла заднюю дверь дома. – До свидания.

– Эмори!

Она замерла на пороге, обернулась к мужу. Он нагнулся и легко коснулся губами ее губ.

– Будь осторожна.

* * *

– Джеф? Привет! Я доехала.

Эмори устала после двухчасового пути из Атланты, но в большей степени усталость была вызвана стрессом, а не дорогой. Примерно в часе езды от города, к тому моменту, когда Эмори свернула на магистраль, идущую на северо-запад, машин на автостраде стало существенно меньше. Она приехала еще засветло, поэтому поездка по незнакомому городу оказалась несложной. Эмори уже лежала в постели в своем номере в мотеле, но все еще чувствовала напряжение между лопатками.

Ей не хотелось усугублять его, поэтому она сначала решила не звонить Джефу. Их последняя ссора была всего лишь пристрелкой. Эмори чувствовала, что в будущем их ждет куда более серьезная перепалка. Ей хотелось сражаться честно, без раздражения.

Но если бы ситуация была иной и она сама оказалась на месте мужа, то она стала бы волноваться о его безопасности, не позвони он ей, как было условлено.

– Ты уже в постели? – спросил Джеф.

– Собираюсь выключить свет. Я хочу утром встать пораньше.

– Как тебе мотель?

– Скромно, но чисто.

– Меня всегда настораживает, когда чистоту упоминают как достоинство.

Джеф помолчал, как будто ждал, что Эмори оценит его шутку. Когда она этого не сделала, он спросил, хорошо ли она доехала.

– Нормально, – ответила Эмори.

– Как погода?

Они уже дошли до того, что говорят о погоде?

– Холодно. Но я на это рассчитывала. Как только я начну забег, я достаточно быстро согреюсь.

– И все-таки мне это кажется безумием.

– Я проложила маршрут, Джеф. Со мной все будет в порядке. Более того, я очень жду этот марафон.

* * *

Оказалось намного холоднее, чем Эмори ожидала.

Она поняла это сразу, как только вышла из машины. Да, конечно, маршрут пролегал значительно выше городка Дрейкленд, где Эмори провела ночь. Солнце стояло высоко, но его закрывали облака, застрывшие на горных вершинах.

Забег на двадцать миль в таких условиях это настоящее испытание.

Выполняя обычную разминку, Эмори оценила обстановку. Несмотря на холод, это идеальный день для забега. Ветра почти совсем не было. В лесу вокруг легкий бриз шевелил только верхние ветки деревьев.

Из ее рта вырывался парок, от которого запотели стекла ее солнечных очков, поэтому она подняла высокий ворот куртки, чтобы прикрыть рот и нос. Эмори в последний раз посмотрела карту.

На парковке стояли машины туристов, приехавших полюбоваться видом с высоты. От нее же во все стороны лучами расходились дорожки для бега, напоминавшие спицы колеса, которые дальше превращались в тропы, пересекавшие вершину горы. Название каждой тропы было написано на указателе в виде стрелы.

Эмори нашла ту тропу, которую выбрала для себя, еще раз тщательно изучив карту национального парка и проверив маршрут. Она радовалась испытанию, но отнюдь не была безрассудной. Если бы Эмори не была уверена, что сможет пробежать весь маршрут и вернуться обратно, она бы даже не пыталась это сделать. Неприятный ландшафт не испугал ее, ей не терпелось начать забег.

Эмори заперла спортивную сумку в багажнике машины и застегнула сумку-пояс. Затем она поправила повязку на голове, включила таймер на наручных часах, натянула перчатки и побежала.

Глава 2

Эмори постепенно просыпалась, но глаза не открывала, боясь, что от дневного света мучительная головная боль только усилится. Из глубокого сна ее вырвало пренеприятнейшее ощущение, как будто в голове сработал строительный пистолет. До нее доносился шум, который она не привыкла слышать в своей спальне, но даже любопытства оказалось мало, чтобы заставить ее поднять веки.

Пульсирующую боль в голове дополняла дергающая боль в правой ступне. Она слишком много бегала этим утром.

От запаха еды ее затошнило.

Как она может чувствовать запах пищи в своей спальне, когда кухня находится в другом конце дома? Что бы там Джеф ни готовил...

Джеф никогда не готовил.

Глаза Эмори распахнулись, она не увидела вокруг ничего знакомого и резко села в кровати.

Незнакомая обстановка расплывалась и вращалась перед глазами. Во рту появилась горечь. Ей едва удалось проглотить ее. Голова закружилась, и Эмори упала обратно на подушку, которая, как она успела понять, не была ее подушкой.

И мужчина, стоявший у кровати, не был Джефом.

– Вы кто? – выпалила Эмори.

Он подошел ближе.

– Не подходите ко мне!

Эмори подняла руку ладонью вперед, хотя у нее не было ни единого шанса оттолкнуть незнакомца. Она была такой же слабой, как новорожденный младенец. А мужчина был гигантом.

Но, повинувшись ее приказу, он остался стоять.

– Не бойтесь меня. Я не причиню вам боли.

– Кто вы? Где я?

– Вы в безопасности.

Это значит, он за ней наблюдает. Дыхание Эмори было коротким и прерывистым, сердце бешено стучало. Она приказала себе успокоиться, понимая, что паника ей не поможет.

– Как вы себя чувствуете? – Голос мужчины был низким и хриплым, как будто он какое-то время им не пользовался.

Она просто смотрела на него, пытаясь собрать воедино разрозненные факты и найти объяснение тому, где она и почему она здесь.

– Как ваша голова? – Незнакомец внимательно посмотрел на нее.

Эмори осторожно ощупала голову и застонала, как только ее пальцы коснулись припухлости за левым ухом. Она как будто ударила молотком в гонг, распространяя волны боли в голове. Ее волосы были липкими и жесткими от крови, пальцы сразу покраснели. Она заметила пятна крови на подушке.

– Что со мной произошло?

– Вы не помните?

Она попыталась мысленно вернуться назад.

– Я помню, как бежала. Я что, упала?

– Я думал, может быть, вы мне расскажете.

Эмори собралась покачать головой, но от этого движения ее снова замутило, голову пронзила боль.

– Как я здесь оказалась?

– Я наблюдал за вами в бинокль.

Он следил за ней с помощью бинокля? Эмори это не понравилось.

– Откуда?

– С соседней горы. Но потом я потерял вас из вида и подумал, что стоит пойти посмотреть. Я нашел вас лежащей без сознания и принес сюда.

– Сюда это куда?

Он жестом пригласил ее посмотреть.

Любое движение головы означало новый приступ боли, но Эмори приподнялась на локтях. Дав возможность головокружению успокоиться, она огляделась по сторонам, пытаясь одновременно определить, есть ли возможность для побега, если ей придется бежать.

Четыре окна, одна дверь, всего лишь одна комната.

Кровать, на которой лежала Эмори, стояла в углу. Ширма из панелей-жалюзи, вероятно, отделяла зону для сна от остальной комнаты, но теперь она была сложена и прислонена к стене из бруса.

Остальную обстановку составляли шезлонг, обитый коричневой кожей, и такой же диван. Кожа на них была сморщенной, в трещинах и царапинах, свидетельствовавших о долгих годах верного служения. Между ними стоял придиванный столик, на нем – лампа с абажуром из джута. Мебель стояла группой на квадратном ковре с обшитыми краями.

Остальная часть комнаты была отведена под кухню: раковина, узкая плита, старомодный холодильник, стол из клена и два стула с поперечными рейками на спинках, выкрашенные оливково-зеленой краской. Одну из стен почти целиком занимал большой, отделанный камнем камин. Горевший в нем огонь слегка потрескивал, именно этот звук не смогла определить Эмори, когда проснулась.

Мужчина дал ей время осмотреть комнату, потом сказал:

– Только одна из ваших бутылок с водой пуста. Вам, должно быть, хочется пить.

У Эмори было сухо во рту, но ее больше волновало другое.

– Я была без сознания, когда вы меня нашли?

– В глубоком забытии. Я несколько раз пытался привести вас в чувство.

– Сколько времени я была без сознания?

– Я нашел вас примерно в семь тридцать сегодня утром.

Эмори посмотрела на часы и увидела, что на них двадцать минут седьмого вечера. Она задргала ногами, чтобы сбросить с себя покрывала. Спустив ноги с кровати, Эмори встала и тут же покачнулась.

– Ой!

Мужчина успел подхватить ее. Ей не понравилось его прикосновение, но она упала бы ничком, если бы он не помог. Он отвел ее обратно к кровати. Эмори казалось, что ее голова вот-вот разлетится на куски. На желудке была тяжесть. Ей пришлось прикрыть глаза рукой, потому что все, что попадало в поле ее зрения, то приближалось, то удалялось, словно изображения в аттракционе с кривыми зеркалами.

– Хотите снова лечь или можете сидеть? – спросил он.

– Я посижу.

Мужчина постепенно отпустил ее руки, потом оставил ее. Он ушел в кухню и достал из холодильника кувшин с водой. Наполнив стакан, он принес его Эмори.

Она подозрительно посмотрела на стакан, гадая, не добавил ли что-нибудь в воду. Лекарства, которые подсыпали женщинам во время свидания, чтобы потом их изнасиловать, при максимальной эффективности не имели ни вкуса, ни запаха. Они лишали жертву не только способности сопротивляться, но и памяти. Хотя если у этого мужчины были недобрые намерения, зачем бы ему давать ей лекарство, когда она и так лежала без сознания?

– Я пытался дать вам воды раньше, – сказал он, – но вы только давили и выплевывали ее.

Этим объяснялось то, что ее рубашка была мокрой на груди. Эмори была полностью одета, не хватало только куртки, перчаток и повязки. Он снял с нее и кроссовки, которые теперь стояли в ногах кровати рядышком, словно по линейке. Она перевела взгляд с них на мужчину.

– У меня определенно сотрясение мозга.

– Именно так я и подумал, когда не смог привести вас в чувство.

– У меня идет кровь.

– Уже нет. Она довольно быстро свернулась. Я промыл рану перекисью, поэтому кровь на ваших пальцах кажется свежей.

– Рану, вероятно, придется зашивать.

– Крови было много, но разрез не настолько глубокий.

Он сам поставил диагноз? Почему?

– Почему вы не вызвали девять-один-один?

– Я здесь вдалеке от проторенных троп, к тому же я не могу поручиться за качество местной «Скорой помощи». Я подумал, что будет лучше принести вас сюда и дать вам возможность выпасться.

Эмори не была с ним согласна. При любой травме головы пострадавшего должен осмотреть врач, чтобы определить, насколько сильный вред нанесен, но пока у нее не было сил с ним спорить. Для начала ей необходимо немного прийти в себя и собраться с мыслями.

Эмори взяла у мужчины стакан.

– Спасибо.

Хотя ей отчаянно хотелось пить, она пила маленькими глотками, боясь, что новый приступ рвоты не даст воде задержаться. Ей было уже не так тревожно. Во всяком случае, сердце билось нормально, дыхание почти выровнялось. Через некоторое время она измерит себе давление – ее наручные часы позволяли это сделать – надо только немного прийти в себя. Ей пришлось вцепиться в стакан так, что побелели костяшки пальцев, чтобы рука не дрожала. Мужчина, должно быть, это заметил.

– Голова кружится?

– Очень сильно.

– Болит?

– Вы даже представить не можете как.

– У меня однажды было сотрясение мозга. Никаких проявлений, кроме ужасной головной боли, но мне хватило и этого.

– Я не думаю, что у меня сильное сотрясение. У меня немного двоится в глазах, но я помню, какой сейчас год, и не забыла фамилию вице-президента.

– Вы на один пункт опережаете меня.

Возможно, он решил пошутить, но ни в его тоне, ни в выражении лица юмора не было. Он совсем не был похож на человека, который часто и откровенно смеется. Или вообще когда-нибудь смеется.

Эмори отпила еще немного воды, потом поставила стакан на маленький столик рядом.

– Я ценю ваше гостеприимство, мистер...

– Эмори Шарбонно.

Она с удивлением посмотрела на него.

Он жестом указал на изножье кровати. Только теперь Эмори заметила, что там лежит ее поясная сумка вместе с другими вещами. Одна из дужек ее солнечных очков сломана и испачкана кровью.

– Я прочитал ваше имя в водительском удостоверении, – пояснил мужчина. – Выдано в Джорджии. Но ваше имя звучит так, словно вы из Луизианы.

– Я родом из Батон-Ружа.

– Сколько времени вы живете в Атланте?

Судя по всему, он изучил и ее адрес тоже.

– Достаточно долго, чтобы называть ее домом. Кстати, о доме...

Не доверяя себе и не пытаясь встать, Эмори потянулась к краю кровати, чтобы достать свою сумку-пояс. В ней кроме двух бутылок с водой, одна из которых была пуста, лежали две двадцатидолларовые банкноты, кредитная карта, водительское удостоверение, карта местности, на которой она отмечала свой маршрут, и то, что ей в эту минуту было нужнее всего – мобильный телефон.

– Что вы здесь делали, если не считать бега? – спросил он.

– Я именно это здесь и делала. Бегала.

Эмори в третий раз попыталась безуспешно включить свой телефон и выругалась сквозь зубы.

– Вероятно, села батарея. Я могу попросить у вас зарядное устройство?

– У меня нет мобильного телефона.

У кого теперь нет мобильного телефона?

– Тогда, может быть, вы позволите воспользоваться вашим стационарным телефоном, я заплачу за звонок...

– У меня вообще нет телефона. Простите.

Эмори смотрела на него, открыв рот.

– Нет телефона?

Мужчина пожал плечами:

– Мне некому звонить, да и звонков ждать не от кого.

Паника, которую Эмори удалось усмирить, снова вернулась. Она во власти этого незнакомца, ситуация не просто затруднительная – пугающая. В гудящей от боли голове сразу всплыли истории об исчезнувших женщинах. Они просто не вернулись домой, и часто их родственникам так и не удалось узнать, что же с ними случилось. Религиозные фанатики крадут для себя жен. Люди с отклонениями держат женщин в подвалах, морят их голодом, всячески издеваются над ними.

Эмори сглотнула, подавляя новый приступ тошноты. Стараясь, чтобы ее голос звучал ровно, она сказала:

– У вас наверняка есть машина.

– Пикап.

– Тогда не могли бы вы отвезти меня туда, где я утром оставила машину?

– Я мог бы, но...

– Позвольте, я сама скажу. У вас нет бензина.

– Нет, бензин есть.

– Тогда что?

– Я не могу отвезти вас вниз.

– Вниз?

– Ну да, вниз с горы.

– Почему нет?

Мужчина потянулся к руке Эмори, она ее убрала так, чтобы он не достал. Он досадливо нахмурился, потом пересек комнату и распахнул единственную дверь.

Отчаяние Эмори сменилось удивлением. Держась за мебель, она медленно дошла до порога и встала рядом с женщиной. Казалось, снаружи кто-то опустил плотный серый занавес.

Туман был непроглядным, настолько плотным, что Эмори не смогла бы разглядеть ничего в нескольких дюймах от двери.

– Туман опустился сразу после полудня, – сказал мужчина. – Вам повезло, что я был здесь утром, иначе вы пришли бы в себя и застряли бы посреди всего этого.

– Я и так застряла посреди этого.

– Судя по всему.

– Так не должно быть, – ее дыхание снова участилось, – я заплачу вам, только отвезите меня.

Он через плечо посмотрел на открытую поясную сумку.

– За сорок баксов? Нет уж.

– Назовите вашу цену. Я заплачу вам, как только вы довезете меня до дома.

Он покачал головой:

– Я не сомневаюсь в том, что вы мне заплатите. Просто меня не соблазнить никакой суммой денег. Здесь наверху очень узкие и извилистые дороги, с внешней стороны пропасть. В большинстве случаев ограждений никаких нет. Я не стану рисковать ни вашей жизнью, ни моей, ни моим грузовичком.

– Как насчет ваших соседей?

На его лице появилось смущенное выражение.

– Соседи есть у вас? – переспросила Эмори. – У кого-то из живущих рядом есть телефон. Вы могли бы дойти...

– Рядом никто не живет.

Это было все равно что вести разговор со столбом.

– Мне нужно сообщить мужу, что со мной все в порядке.

– Может быть, завтра, – ответил мужчина, глядя в небо, хотя там совершенно не на что было смотреть. – Все зависит от того, как скоро рассеется туман. – Он закрыл дверь. – Вы дрожите. Идите, погрейтесь у огня. Если вам нужно в ванную комнату... – он указал на дверь рядом с кроватью. – Возможно, вам покажется, что там холодновато, но я включил для вас обогреватель. – Мужчина подошел к плите, на которой булькало какое-то варево. – Вы проголодались?

Он поднял крышку и помешал содержимое кастрюльки.

Его нежелание посочувствовать ей в сложившейся ситуации удивило Эмори и напугало ее. К тому же это ее безумно раздражало.

– Я не могу остаться здесь на ночь.

Хотя в ее голосе слышались почти истерические нотки, мужчина оставался невозмутимым. Он постучал ложкой по краю кастрюли, положил ложку на блюдо и вернул крышку на место. Только после этого он повернулся к Эмори и указал на входную дверь:

– Вы сами все видели. У вас нет выбора.

– Выбор есть всегда.

Мужчина отвернулся и не смотрел на нее какое-то время. Потом их глаза снова встретились, и он сказал:

– Не всегда.

Не уверенная в том, как поступить дальше, Эмори осталась стоять там, где стояла, наблюдая за тем, как хозяин дома начал накрывать на стол, раскладывая приборы для одного человека. Он снова спросил, голодна ли она.

– Нет. Меня тошнит.

– Я ждал вас, чтобы поесть в компании, но раз вы не собираетесь ужинать, не возражаете, если я поем?

Не то чтобы Эмори верила, что ее ответ имеет для него хоть какое-то значение, но все же ответила, что не возражает.

– У меня есть кое-что от вашей головной боли. А кока-кола успокоит тошноту. Хотя, возможно, вам стоит просто вернуться в постель.

Если она ляжет, то почувствует себя еще более уязвимой.

– Я немного посижу.

Эмори, пошатываясь, направилась к столу. Вспомнив, что у нее пальцы испачканы кровью из раны на голове, она сказала:

– Мне нужно вымыть руки.

– Сядьте, пока вы не упали.

Она с благодарностью опустилась на один из стульев. Мужчина принес ей пластиковую бутылочку с антисептиком для рук. Эмори щедро налила его на руки, а потом вытерла их бумажным полотенцем, оторвав его от рулона, стоявшего в центре стола.

Без долгих разговоров и сомнений мужчина взял испачканное кровью бумажное полотенце у нее из рук, бросил его в мусорное ведро, потом подошел к раковине, вымыл руки горячей водой и жидким мылом. Он открыл баночку с кока-колой, принес ее на стол вместе с пузырьком обезболивающих таблеток, упаковкой соленых крекеров и еще не вскрытой пачкой масла. Вернувшись к плите, он положил порцию тушеного мяса в керамическую миску.

Усевшись напротив Эмори, мужчина оторвал бумажное полотенце от рулона, положил себе на колени и взялся за ложку.

– Мне неприятно есть, когда вы не можете.

– Прошу вас, ешьте.

Он подцепил ложкой кусок мяса и заметил, что Эмори смотрит на содержимое миски.

– Вероятно, вы привыкли к другому.

– При других обстоятельствах мне бы это понравилось. Я очень люблю тушеную говядину.

– Это оленина.

Эмори посмотрела на оленью голову на стене над камином.

Все-таки он умел улыбаться и сделал это со словами:

– Не от этого конкретного оленя. Он уже был здесь, когда я сюда переехал.

– Переехали? Вы живете в этом доме постоянно? Я думала...

Она оглядела простую комнату с минимальным комфортом и понадеялась, что не обидела хозяина.

– Я думала, что это что-то вроде охотничьей хижины. Место, которым вы пользуетесь время от времени.

– Нет.

– И как давно вы здесь?

Поставив локти на стол, он нагнулся над миской, обращаясь скорее к ней, чем к женщине напротив, и пробормотал:

– Месяцев шесть или около того.

– Полгода... Без телефона? Что бы вы стали делать, случись какое-нибудь несчастье?

– Не знаю. Пока ничего не случилось.

Он открыл упаковку с крекерами, взял парочку и намазал их маслом. Один крекер он съел сразу, а другой бросил в миску с тушеным мясом, раздробив его ложкой, прежде чем взять еще кусок мяса.

Эмори наблюдала за ним с неприкрытым любопытством и неодобрением. Он прикрыл колени бумажным полотенцем, словно это была льняная салфетка, но ел он, держа локти на столе. Он взял масло прямо из пачки, размял крекер в миске с мясом, но вытирал рот после каждой ложки.

Мужчина жил в старомодной хижине, но не выглядел как житель гор. Ни в коем случае. На щеках щетина, но ей не более одного-двух дней. Фланелевая рубашка в черную и красную

клетку заправлена в выцветшие джинсы, но одежда чистая. Темные волосы сзади касаются воротничка, они длиннее, чем обычно носят мужчины его возраста. На висках серебрится седина.

Посеребренные виски другому мужчине придали бы изысканность, но он из-за них всего лишь казался старше, чем он, вероятно, был. Ему, скорее всего, под сорок, но у него лицо пожилого человека, с паутиной морщинок вокруг глаз, складки в уголках губ и беспокойство в глазах удивительного голубого цвета. Их холодный свет контрастировал с загорелым обветренным лицом.

Хозяин дома представлял собой странную смесь. Он жил просто, без телефона или телевизора, но не был неотесанным и говорил правильно. На открытых полках выстроились десятки книг, некоторые в твердых переплетах, другие в бумажных, но все стояли аккуратно.

Весь дом был чистым, Эмори это заметила. Но в комнате не было ни одной фотографии, никаких безделушек или памятных вещей, ничего, что могло бы намекнуть на его прошлое или рассказать о его настоящем.

Эмори не поверила ни его непринужденным манерам, ни объяснению, почему он не отвез ее в больницу сразу, как только нашел. Набрать девять-один-один было бы еще практичнее. Если бы он захотел это сделать.

Мужчина не мог просто так подобрать истекающую кровью женщину без сознания и отнести ее в свою хижину в горах, где по соседству никто не жил. Должна была быть какая-то причина. Эмори ничего не приходило в голову такого, что не было бы связано с криминалом, с пороком или с тем и другим сразу.

В его прикосновениях не было ничего неприличного, но, возможно, он психопат, который не нападает на своих жертв, пока они без сознания. Может быть, он предпочитает, чтобы они были в сознании, отвечали ему и реагировали на его издевательства.

Дрожащим голосом Эмори спросила:

– Мы в Северной Каролине?

– Да.

– Я спрашиваю потому, что некоторые тропы парка уходят в штат Теннесси.

Она вспомнила, как остановила машину на парковке, сделала разминку, застегнула пояс-сумку. Потом она побежала. В ее памяти всплыли молчаливые деревья по обеим сторонам от тропы. Чем выше она поднималась, тем все более разреженным становился воздух. Но Эмори не помнила, как она упала и ударилась головой настолько сильно, чтобы получить сотрясение мозга.

И это заставило ее задуматься о том, так ли все было на самом деле.

Эмори взяла один крекер, сделала глоток колы, надеясь, что это сочетание успокоит тошноту.

– На какой мы высоте?

– Около пяти тысяч футов, – ответил мужчина. – Сложный маршрут для бега.

– Я тренируюсь для участия в марафоне.

Он перестал есть, заинтересовавшись.

– Первый ваш марафон?

– Пятый.

– Ого! Надеетесь улучшить ваше время?

– Всегда.

– То есть вы себя заставляете.

– Я к этому так не отношусь. Мне просто нравится.

– Бег на длинную дистанцию на такой высоте это испытание.

– Да, но после этого легче бежать на меньшей высоте.

– Вы не боитесь перетренироваться?

– Я осторожна, особенно с правой ступней. В прошлом году у меня был перелом.

– Понятно, почему вы ее бережете.

Эмори пристально посмотрела на него.

– Откуда вы об этом знаете?

– Я обратил внимание, когда вы ковыляли от кровати к двери.

Может быть, подумала Эмори. Или он заметил это раньше, когда наблюдал за ней в бинокль? С какого, интересно, расстояния? С дальней вершины? Или он был куда ближе к ней?

Вместо того, чтобы задать ему эти вопросы, Эмори продолжала вести разговор, надеясь получить больше информации.

– Моя ступня подвела меня в прошлом году после марафона в Бостоне. Ортопед посоветовал мне не бегать три месяца. Мне не нравилось, что я не могу бегать, но я выполнила его предписание. Как только врач дал мне зеленый свет, я сразу же снова начала тренировки.

– И когда марафон?

– Через девять дней.

– Девять дней.

– Да, я понимаю, это сотрясение мозга случилось в самое неподходящее время, – вздохнула Эмори.

– Возможно, вам придется его пропустить.

– Не могу. Я должна его пробежать.

Мужчина ни о чем не спросил, просто посмотрел на нее.

– Этот марафон для сбора средств. Я помогла организовать его. Люди рассчитывают на меня.

Мужчина отправил в рот еще одну ложку тушеного мяса, прожевал, проглотил, потом продолжил:

– В вашем водительском удостоверении написано, что вы *доктор* Эмори Шарбонно. Вы врач?

– Я педиатр. У меня общая практика с двумя акушерами-гинекологами.

– Вы наблюдаете за малышами после рождения?

– Мы на это рассчитывали, когда покупали практику вместе.

– У вас есть собственные дети?

Эмори замялась, потом покачала головой.

– Надеюсь, что когда-нибудь будут.

– Как насчет мистера Шарбонно? Он тоже врач?

– Мистер Сюррей.

– Прошу прощения?

– Моего мужа зовут Джеф Сюррей. Когда мы поженились, я уже была доктором Шарбонно. С точки зрения профессии, мне лучше было не менять фамилию.

Хозяин дома никак не прокомментировал это, но его брови сошлись на переносице.

– Чем он зарабатывает на жизнь?

– Он инвестиционный менеджер. Вложения, фьючерсы.

– То есть для богатых людей?

– Полагаю, что некоторые из его клиентов вполне обеспечены.

– Вы не знаете?

– Муж не обсуждает со мной деньги своих клиентов.

– Правильно, так не делается.

Эмори откусила еще кусочек крекера.

– А как насчет вас?

– Что насчет меня?

– Чем вы занимаетесь?

Мужчина посмотрел на нее через стол и совершенно серьезно ответил:

– Живу.

Глава 3

Живет.

Мужчина и до этого был не слишком словоохотливым, и Эмори чувствовала, что никаких пояснений не будет. Мгновение он выдерживал ее взгляд, потом опустил ложку в пустую миску и отодвинулся от стола вместе со стулом. Он отнес посуду в раковину и вежливо спросил, хочет ли она еще крекеров.

– Нет, но колу я оставляю.

Хозяин дома начал мыть посуду, Эмори извинилась и отправилась в ванную. Из всех сил стараясь справиться с ощущением, что стены плывут, а пол качается под ногами, она добралась до нужной двери. Внутри стоял старый обогреватель, похожий на тот, которым пользовалась ее прабабушка. Живое голубое пламя горело за почерневшей керамической решеткой.

Эмори воспользовалась туалетом, вымыла лицо и руки, прополоскала рот, выдавив капельку зубной пасты из тюбика, который она нашла в аптечке над раковиной. Там же находились пузырек с перекисью, бритвенный прибор, баллон с кремом для бритья, упаковка пластырей, баночка мультивитаминов и щетка для волос.

Поддон для душа оказался жестяным. В проволочной корзинке не было ничего кроме мыла и бутылочки с шампунем. Эмори очень хотелось смыть кровь с волос, но она этого не сделала, боясь, что рана откроется снова. Шишка под ссадиной не становилась больше, но любое прикосновение отзывалось острой болью.

Эмори не удержалась и заглянула в небольшой шкафчик. Внутри на полках лежали аккуратно сложенные полотенца. Там же она увидела рулоны туалетной бумаги, мыло и средства для стирки и уборки.

Совершенно неожиданными оказались коробки с патронами.

Они занимали самую верхнюю полку, на каждой была аккуратная этикетка с указанием калибра. Эмори пришлось встать на цыпочки, чтобы снять одну коробку. В свете лампочки над раковиной под крышкой мрачно отсвечивали крупные, длинные, смертоносные патроны.

Она быстро закрыла коробку, поставила ее точно на то место, откуда взяла, и задумалась о том, где находятся ружья, соответствовавшие этому арсеналу боеприпасов.

Эмори вернулась в комнату. Там было почти совсем темно, только отсветы огня в камине и свет лампочки над кухонной мойкой. Мужчина как раз складывал посудное полотенце. Услышав ее шаги, он повернул голову и заговорил с ней через плечо:

– Я подумал, что вам захочется лечь спать пораньше.

Эмори посмотрела на кровать. Скомканные простыни и одеяла были расправлены и аккуратно сложены с одного края. Окровавленная наволочка исчезла, на ее месте появилась чистая.

– Я буду спать в шезлонге, – заявила Эмори.

– Вы будете спать в кровати, – он дернул за шнурок, чтобы погасить лампочку над мойкой.

Этот жест был как финальная точка, ясно давший понять, что дальнейшая дискуссия о том, кто где будет спать, бесполезна. Эмори опустилась на край кровати. Она весь день провела в легинсах для бега. Бюстгальтер для занятий спортом казался слишком тесным. Но она твердо для себя решила, что не снимет с себя ни одной нитки. Ему придется с ней сражаться, если он намерен ее раздеть.

Эмори затаила дыхание, когда мужчина направился к кровати, но, поставив на ночной столик пузырек с обезболивающим и баночку колы, он прошел в ванную и почти сразу вер-

нул с пузырьком перекиси и сложенной в несколько раз туалетной бумагой, чтобы промыть рану.

– У меня нет ни ваты, ни марли, – объяснил он, наливая перекись на туалетную бумагу. Поставив бутылочку на столик, мужчина нагнулся над Эмори.

– Я сама.

– Вам же ничего не видно. Если вы начнете нащупывать рану, то она может снова открыться.

Эмори знала, что он прав, поэтому опустила руки.

– Поверните голову...

Он коснулся ее подбородка тыльной стороной кисти. Эмори подчинилась и сидела, напряженная и нервная, пока он занимался раной.

– Больно?

– Немного.

Эмори было очень больно, но она не могла придумать, как пожаловаться и при этом не критиковать его манеру действовать. Честно говоря, ей вообще было трудно о чем-либо думать, когда он стоял так близко, склонившись над ней. Ее лицо оказалось слишком близко к нижней части его туловища, и Эмори почувствовала себя неловко. Она не дышала до тех пор, пока не услышала его слова:

– Вот и все.

Мужчина отошел от нее.

– Мне не хотелось бы испортить вам еще одну наволочку.

– Кровь отстирывается. В большинстве случаев... – Мужчина взял пузырек с обезболивающим, вытряс на ладонь две таблетки и протянул их Эмори. – Они облегчат головную боль.

– Я пока не буду их принимать. Посмотрю, что будет дальше.

Мужчина собрался было ей возразить, но вернул таблетки в пузырек и поставил его на столик у кровати.

– Они будут здесь на тот случай, если вы передумаете. Дайте мне знать, если вам понадобится что-то еще.

– Спасибо, я так и сделаю. Но я уверена, что со мной все будет хорошо.

– Возможно, мне следовало бы будить вас через определенные интервалы. Просто для того, чтобы убедиться, что вы в порядке, что могу вас разбудить.

– Это хорошая идея. Но вместо того, чтобы вас беспокоить, я поставлю будильник на моих наручных часах.

С неодобрительной складкой у рта он сказал:

– Как хотите.

И отвернулся.

Эмори легла, натянула покрывало до подбородка. Глаза она закрыла, но внимательно прислушивалась к тому, как мужчина передвигается по комнате, подкладывает поленья в камин и ставит назад экран.

Кровь отстирывается. В большинстве случаев. Прозвучало так, будто у него был подобный опыт.

При мысли о собственной уязвимости Эмори содрогнулась. Она не продержится и пары минут. Если ей придется защищать себя, что она сможет сделать?

Пока Эмори училась в колледже, она посещала занятия по самообороне, но это было давно. Единственное, что сохранилось в памяти: не воспринимать нападавшего как единое целое, сосредоточиться на отдельных частях, уязвимых для контратаки. Глаза, нос, уши, яички. Эмори боялась, что это правило неприменимо к мужчине, казавшемуся таким же крепким, как красное дерево.

Зря она не догадалась прихватить один из тех смертоносных на вид патронов. Если им ткнуть в глаз, то можно нанести серьезный вред. Этого бы хватило даже для такого гиганта, и она успела бы проскользнуть мимо него.

Эмори услышала, как сапоги упали на деревянный пол, прикрытый ковром, потом закрипела кожа, когда хозяин дома устраивался на ночь. Она слегка приоткрыла глаза и увидела, что мужчина предпочел шезлонг дивану. Он улегся, накрывшись до груди стеганым одеялом.

Он обескураживающе смотрел прямо на нее, его глаза отражали пламя камина словно глаза хищника.

Его голос пророкотал, преодолевая расстояние между ними:

– Расслабьтесь, Док. Если бы я собирался причинить вам вред, я бы уже это сделал.

Разум подсказывал ей, что это правда. Она проспала, совершенно беззащитная, весь день, и он ничего ей не сделал. Тем не менее...

– Почему вы принесли меня сюда?

– Я вам уже сказал.

– Полагаю, что это не вся правда.

– Я не могу контролировать ваши мысли. Но вы не должны меня бояться.

Спустя несколько минут Эмори спросила:

– Дрейкленд это ближайший город?

– Нет.

– А какой?

– Вы никогда о нем не слышали.

– Далеко до него?

– По прямой? Двенадцать миль.

– А по дороге?

– Пятнадцать.

– Я могла бы легко пробежать это расстояние. Если спускаться с горы, то для меня это не дистанция.

Он не сказал: «Ради всего святого, леди, у вас сотрясение мозга, и вы не можете даже пройти по прямой, куда вам бегать».

Мужчина вообще ничего не сказал, и это подействовало на Эмори куда сильнее, чем разговор о нелогичности ее предположения. Его молчание было к тому же и более угрожающим, чем если бы он просто объявил ей, что в ближайшее время она никуда отсюда не уйдет, что он принес ее сюда, чтобы превратить в свою сексуальную рабыню, и что под страхом смерти ей не следовало бы даже думать о побеге.

Эмори избавилась от его внимательного взгляда, закрыв глаза. В течение пяти минут между ними было только напряженное молчание и потрескивание поленьев в камине.

Ей было страшно, но тело устало. Мышцы сами по себе начали расслабляться, она еще больше утонула в матрасе. Испытавший сотрясение мозг увлекал ее в забытие. Эмори уже почти заснула и вдруг резко очнулась.

– Вы так и не сказали мне вашего имени.

– Верно, – откликнулся мужчина. – И не скажу.

* * *

Прежде чем заснуть, Эмори поставила будильник, чтобы он прозвенел через два часа. Но предосторожность оказалась излишней. За несколько минут до того, как будильник запищал на ее запястье, он уже стоял возле кровати, его крупная рука слегка потрясла ее за плечо.

– Док?

- Я не сплю.
- Вы поспали?
- Чуть-чуть.
- Голова болит?
- Да.
- Хотите принять таблетки?
- Не сейчас.

Он постоял немного, не говоря ни слова, потом спросил:

- Вам нужно в ванную?
- Может быть.

В данном случае *может быть* означало «да», потому что около получаса назад Эмори проснулась от тошноты. Она лежала, стараясь с ней справиться. Ей не хотелось вставать и тащиться в ванную, чтобы не разбудить мужчину. Ей не хотелось просить его о помощи, но при этом не хотелось, чтобы ее вырвало в его постель.

Поэтому когда он спросил, не нужно ли ей в ванную, она ответила *может быть*, но была благодарна ему за то, что он принял это как определенное «да». Он откинул одеяло. Эмори спустила ноги с постели и поставила ступни на пол. Он подхватил ее под локти и помог встать.

На подгибающихся коленях Эмори сделала первый пробный шаг.

- Держитесь.

Он обхватил ее одной рукой за талию и прижал к своему боку.

- Простите за причиненные неудобства.
- Пустяки.

До ванной комнаты было всего несколько шагов, но путь показался ей длиннее Великой китайской стены. Когда они добрались до двери, мужчина ухитрился зажечь свет, а потом закрыл дверь со словами:

- Не торопитесь.

Но ей хватило времени только на то, чтобы рухнуть на колени перед унитазом. Спазмы были очень сильными, хотя ей почти нечего было исторгнуть из себя. Даже когда ее желудок опустел, позывы к рвоте никак не прекращались, сотрясая все тело. Когда все это наконец закончилось, Эмори спустила воду и с трудом встала, держась за раковину.

Из-за двери раздался его голос:

- Все в порядке?
- Мне лучше.

Никогда еще вода не казалась ей такой холодной, но было так приятно ополоснуть лицо. Эмори несколько раз прополоскала рот. Перед глазами у нее все немного расплывалось, и это было к лучшему. Эмори радовалась, что не видит своего отражения в зеркале со стопроцентной четкостью. Оно и без того было пугающим.

Лицо землистое. Губы бесцветные. На голове кошмар. Кровь запеклась страшной черной коркой. Но Эмори было слишком плохо, чтобы переживать из-за внешнего вида.

Куда больше ее тревожила головная боль. Боль уже не была стреляющей, она притупилась. Казалось, кто-то изнутри лупит по ее черепу палкой. От света становилось только хуже. Эмори повернула выключатель, доплелась, шаркая, до двери и открыла ее.

Мужчина стоял сразу за ней. Ее глаза были на уровне его груди.

- Думаю, после этого я буду чувствовать себя лучше.
- Хорошо.

Он протянул руку, чтобы поддержать женщину, но, коснувшись ее плеча, его рука скользнула выше, к шее под волосами.

- Вы же мокрая как мышь.

Во время приступа рвоты Эмори прошиб холодный пот, одежда промокла насквозь.
– Со мной все будет в порядке.

Эмори едва удалось произнести это. У нее застучали зубы.

Мужчина отвел ее обратно к постели и усадил на край.

– Я принесу вам что-нибудь, чтобы вы могли переодеться.

– Нет, что вы, не нужно...

– Вы не можете провести остаток ночи в мокрой одежде.

Он оставил ее, подошел к комоду, устроившемуся под скатом крыши, достал из ящика фланелевую рубашку, очень похожую на его собственную. Когда он протянул ее Эмори, она встретила с ними взглядом.

– Я не собираюсь раздеваться, – серьезно заявила она.

Он мгновение смотрел на нее, потом ушел в ванную и вернулся с чистым полотенцем. Жест был добрым, но не выражение лица. Губы сжались в циничной усмешке.

– Ваша добродетель в безопасности, Док. Я намеревался поставить ширму, чтобы обезпечить вам некоторое уединение.

Мужчина взял ширму от стены и расставил ее. Убедившись, что ширма не упадет, он обошел ее, оставив Эмори одну. Она почувствовала себя неблагодарной идиоткой.

Всю стыдливость, которой она когда-то обладала, Эмори оставила в медицинском институте. Она и ее коллеги интерны тренировались выполнять процедуры друг на друге, обычно обмениваясь непристойными шутками. В любом случае не было никакой возможности оставаться девически застенчивой, если речь идет о наготы и функциях человеческого тела.

Расстегивая «молнию» на спортивной рубашке, Эмори говорила себе, что не хотела раздеваться не из-за стыдливости, а из чувства самосохранения. Он вел себя заботливо, предупредительно, как джентльмен. Но можно ли доверять человеку, который не называет своего имени?

Эмори разделась настолько быстро, насколько позволяла неуправляемая дрожь. Сняв все с верхней части тела, женщина торопливо вытерлась полотенцем, потом надела рубашку, которую ей одолжил хозяин дома. Фланель была старенькой, мягкой, и было удивительно приятно освободиться от тесного спортивного бюстгалтера.

В последнюю очередь она сняла легинсы для бега. Утром она их снова наденет, но пока наслаждалась прикосновением простыней к голым ногам.

Видеть он ее не мог, но наверняка слышал шуршание одежды и постельного белья. Как только Эмори устроилась под одеялом, он спросил:

– Берег чист?

– Вы можете оставить ширму.

Мужчина начал складывать ее.

– Я предпочитаю спать за ширмой, – заметила Эмори.

Судя по всему, ее предпочтения не имели никакого значения. Он вернул ширму на место у стены.

– А у меня должна быть возможность видеть вас.

– Я скажу вам, если мне что-нибудь понадобится.

– Вы не сказали мне, что вас вот-вот вырвет, и мы едва не оказались перед лицом большой неприятности, – он нагнулся и вытащил из-под прикроватного столика маленькое металлическое ведро для мусора. – Это на тот случай, если я не успею вовремя к вам подойти.

Он поставил мусорное ведро так, чтобы Эмори не промахнулась, свесив голову с кровати.

– Думаю, с тошнотой покончено.

– Если нет, то не стесняйтесь, ладно?

Эмори сухо и коротко кивнула.

– Вам еще что-нибудь нужно?

– Нет.

– Уверены?

– Да.

На его лице было выражение сомнения, его глаза изучающее посмотрели на Эмори, и она вдруг отчетливо ощутила свое тело. Чтобы не смотреть на него, она закрыла глаза. В конце концов он поверил ей на слово и отошел.

Его ступни в носках двигались по полу практически бесшумно, но такой крупный человек, как он, не мог пройти по комнате, не вызвав колебания воздуха. Эмори мысленно следила за его движениями, услышала, как он подбросил пару поленьев в камин. Потом раздался скрип кожаной обивки, когда хозяин дома снова устроился в своем шезлонге.

Через несколько минут раздались негромкие хлопки, когда загорелись свежие поленья. Эмори следила за тенями на потолке. Она заметила то, на что не обратила внимания раньше. Металлическая перекладина диаметром около двух дюймов располагалась горизонтально между двумя стропилами. Оба конца перекладины держались в специальных отверстиях. Эмори не могла понять, для чего нужна эта перекладина. Что же касается стропил, то они выглядели такими же грубо отесанными, как и хозяин дома.

Может быть, он и неотесанный, но предупредительный.

Эмори откашлялась.

– Я вас еще не поблагодарила.

– Не стоит.

– Я благодарю вас сейчас.

– Ладно.

Прошло еще немного времени, но Эмори знала, что мужчина не спит.

– Мне бы хотелось узнать ваше имя.

Потрескивали дрова в камине. Одно из стропил скрипнуло под тяжестью крыши.

Мужчина не произнес ни звука.

Глава 4

– Ты не волнуешься за нее?

Джеф Сюррей потянулся, зевнул, повернулся на бок и приподнялся на локте.

– Ни в малейшей степени. Она просто пытается привлечь к себе внимание. Эмори хочет, чтобы я о ней беспокоился.

– Это на нее не похоже. Она всегда звонит.

Мужчина нахмурился.

– И в самый неподходящий момент. Как вчера вечером.

Его мобильный телефон завибрировал на туалетном столике в ванной комнате как раз в ту минуту, когда они с Элис входили в душевую кабину после упоительного активного секса. Разговор с женой, честно говоря, сделал последующую водную процедуру еще более возбуждающей. И все равно Джеф был недоволен звонком Эмори, которая, как нарочно, выбрала именно это время.

В последнее время жена звонила ему довольно часто в течение дня. Он хочет поужинать дома или в ресторане? Ей самой забрать вещи из химчистки, или Джеф заедет туда по дороге? Он уже позвонил в водопроводную компанию, чтобы договориться о прочистке труб, или ей самой это сделать?

Ее уловки были смехотворно прозрачными. Она-то думала, что ведет себя совершенно естественно, хотя на самом деле отслеживала его расписание. В прошедшие несколько месяцев ему приходилось докладывать о том, где он был и сколько времени там провел. Ее постоянный мониторинг становился все более утомительным, и у Джефа уже не хватало фантазии, чтобы придумывать веские оправдания для встреч с Элис.

– Разве это было не здорово? Целых два дня нас никто не беспокоил.

– Ты меня избалуешь. Сегодня утром позавтракаем в постели...

– Скорее это будет ленч, – он потерся носом о ее шею.

Элис застонала.

– Не могу поверить, что мы проспали так долго. Сколько мы выпили вчера вечером?

– Не думаю, что виновато вино, скорее марихуана. Очень крепкая.

Женщина закрыла лицо руками и засмеялась.

– Прошло много лет с тех пор, как я ею баловалась. Моя переносимость снизилась.

– Было очень весело, – Джеф провел пальцами между ее грудями. – Ты была очень сексуальной. Хотя в этом тебе не нужна помощь.

Элис была не из тех женщин, которым смотрят вслед. Ее темные волосы и глаза выигрышно оттеняли оливковую кожу, цвет которой многие сочли бы потрясающим. Ее можно было назвать интересной женщиной. Но даже самые милостивые критики не дали бы ей больше пяти баллов.

Но в интрижке с обычной женщиной были свои преимущества. Страх быть отвергнутой сделал ее благодарной. Ей легко было угодить и без усилий уговорить.

Между ее бровями появилась вертикальная складка озабоченности.

– Ты думаешь, Эмори о нас знает?

– Нет.

– Честно?

– Честно. Нет, она не знает.

Его твердое отрицание было, в общем-то, недалеко от истины. Да, Эмори открыто не обвинила его в том, что у него роман. Но это не значило, что жена ни о чем не подозревала. Чтобы снять камень с души своей любовницы, Джеф потер указательным пальцем кожу между бровями, разглаживая ее.

– Она просто дуется, вот и все.

– Эмори что-нибудь говорила тебе перед отъездом?

Несколько раздосадованный ее настойчивостью мужчина вздохнул.

– Да. Она сказала «до свидания».

– Ты знаешь, что я имела в виду. Эмори говорила о том, что сердита на тебя?

– Я приехал домой, чтобы проводить ее, и постарался отговорить ее от поездки. Но, говоря откровенно, я не слишком усердствовал. Чем скорее она уберется из города, тем скорее я сумею уложить тебя в постель.

Джеф положил руки на груди Элис и принялся мягко сжимать их.

– Больше ничего не было сказано?

– Я попросил Эмори позвонить мне, когда она доберется до мотеля, и она это сделала, – ответил Джеф и прорычал около уха Элис: – И отсрочила исполнение моей фантазии о душе. За это я ее никогда не прощу.

Он наклонил голову и любя куснул сосок Элис.

Но ее не так легко было сбить с толку.

– Это было более суток назад, Джеф, и двадцать четыре часа – достаточный срок, если она так и не позвонила.

– Эмори предупредила, что, возможно, проведет в мотеле еще одну ночь, в зависимости от того, насколько она устанет после пробежки. Думаю, именно так она и поступила.

– Откуда ты знаешь, что твоя жена не приехала домой, пока ты здесь со мной?

– Потому что как только дом снимут с сигнализации, на моем телефоне раздастся сигнал. Спасибо господу за мобильные приложения.

– Разве Эмори не предупредила бы тебя, если бы собиралась остаться там еще на одну ночь?

Джеф покорно вздохнул.

– Не то чтобы мне нравилось обсуждать это, особенно во время любовной прелюдии, но если тебе необходимо знать, то мы с ней были сердиты друг на друга, когда она уезжала. Эмори разозлилась на меня и теперь наказывает тем, что не звонит.

– Из-за чего вы поссорились?

– Из-за этого проклятого марафона, который она собирается бежать.

– Какое ты имеешь отношение к тому, что она бежит марафон?

– Вот именно! – с жаром согласился Джеф. – Я ее спросил, почему я должен всегда посещать эти мероприятия, если это не мое?

– Возможно, чтобы поболеть за нее?

– Я это делал во время каждого долбаного марафона. Часами я боролся за место возле финишной черты, дожидаясь тех десяти секунд, когда она пробежит мимо меня и услышит мои аплодисменты ее выдающемуся достижению. Я отказался снова это делать. Но для Эмори этот марафон особенный, поэтому мой отказ оскорбил ее чувства и... Какого черта я говорю с тобой о моих супружеских ссорах, когда я бы с удовольствием занялся кое-чем другим? – Рука Джефа скользнула между ее бедер. – Разве это не лучше?

Элис вздохнула и потерлась о его руку.

– Намного лучше.

Он натянул презерватив и устроился между ее бедер, которые были совершенно не похожи на бедра Эмори. Во всяком случае, на те, какими он помнил ощущения от раздвинутых бедер жены. Они так давно не занимались сексом, что его воспоминания стали расплывчатыми.

Джеф не смог бы сказать наверняка, кто из них остыл первым, он или Эмори. Изменял ли он ей потому, что супружеский секс стал таким редким, или секс стал редким и не воз-

буждающим, потому что Эмори интуитивно чувствовала, что он находит радость в постели другой женщины?

Разумеется, он не был готов взять на себя всю вину за свою неверность. О нет! Немалая часть вины лежала на Эмори. Каждый день она вставала и выходила из дома еще до рассвета, никогда не возвращалась домой засветло. Она работала бесконечные часы в клинике, потом в любой час ночи отвечала на звонки обезумевших родителей, спрашивающих ее, что делать, если у ребенка насморк, жар или понос.

Свободное время Эмори посвящала тренировкам, чтобы участвовать в марафонах. Она все время бегала. ВСЕ ВРЕМЯ.

Когда они познакомились, Эмори уже была бегуньей. Поначалу Джеф восхищался ее спортивностью, силой воли и самодисциплиной, как и ее тренированным телом и красивыми ногами. Пару лет они бегали вместе. Но потом – с его точки зрения – она превратилась в фанатичку.

Отлично. Джеф позволил жене заниматься ее хобби, а он предавался своему увлечению. Именно сейчас он прижимал мягкие бедра Элис к своим. Еще одно движение, и Джеф кончил. Он не был уверен, что Элис кончила тоже, но оргазм она изображала куда убедительнее, чем Эмори.

Глава 5

Стоило Эмори проснуться, как она сразу поняла, что осталась одна.

Она села в постели. Хижина была пуста.

Всю ночь мужчина нес вахту. Стоило ей шевельнуться, как он вставал с шезлонга и мгновенно оказывался возле кровати, спрашивая, все ли с ней в порядке, нужно ли ей что-нибудь, не тошнит ли ее снова.

Эмори больше не испытывала тошноты, поэтому около двух часов ночи она выпила пару глотков колы. Напиток удержался. Двумя часами позже она перешла на воду. Он посоветовал ей сделать это, сказав то, что Эмори знала и без него: организм обезвожен. Она много пробежала, спала весь день, почти ничего не пила, а потом ее вырвало тем, что удалось проглотить.

Теперь, если верить ее наручным часам, было чуть больше девяти часов. Утро воскресенья. Эмори проспала пять часов подряд. Она не просыпалась сама, да и он ее не будил. И вот он ушел.

Двигаясь осторожно, так как голова все еще немного кружилась, Эмори встала, прошла в ванную, прихватив с собой легинсы для бега, и надела их после того, как воспользовалась туалетом.

Вернувшись к постели, женщина ощупала остальную одежду. Рубашка, куртка и бюстгальтер все еще были сырыми и холодными. Эмори подтащила к камину один из стульев и развесила вещи на нем, чтобы ускорить процесс высыхания.

Что дальше?

Она взяла из холодильника еще одну баночку колы. Вкусно. Она запила колой две обезболивающие таблетки, потому что головная боль, как и головокружение, все еще не отпускала ее. Боль была уже не такой острой, но игнорировать ее было невозможно.

Эмори отодвинула муслиновую занавеску. У нее упало сердце, когда она не увидела ничего кроме густой пелены тумана. Она открыла дверь, крикнула «привет», но туман поглотил ее голос. Сделав несколько шагов вперед, примерно на расстоянии ярда, она обнаружила ступеньку, потом еще одну. Ниже самой последней ступеньки лежал большой крупный камень, утопленный в грунт.

Не было никакой возможности пройти вот так, вслепую, пятнадцать миль и не сорваться с утеса или не заблудиться в горах. Возвращаясь назад в хижину, Эмори внимательно смотрела по сторонам. Сразу за дверью на стене был крючок. Ключи зажигания, которые она заметила висевшими на нем накануне, исчезли. Даже если бы она смогла найти пикап в таком тумане, она бы не смогла завести его. И если бы каким-то чудом она сумела завести машину без ключа, она бы не знала, в каком направлении ехать. Вероятно, она просто рухнула бы в пропасть вместе с пикапом.

А это значит, что возможность вернуться обратно к цивилизации следует искать внутри хижины.

Эмори начала поиски с самого логичного места – с комода, из которого он накануне достал рубашку, в которой она была теперь. Она обнаружила носки, нижнее белье, футболки, фланелевые рубашки. В одном из ящиков лежали только аккуратно сложенные джинсы.

В стенной шкаф вела неровная дверь, сделанная на первый взгляд из досок для сарая. В прежней жизни планки были выкрашены тусклой красной краской. Ниша оказалась не больше телефонной будки, на единственной штанге висели куртки и плащи, а также комбинезон из тех, которые носят охотники.

На полу стояли несколько пар разнообразных сапог, от изношенных мотоциклетных сапог, похожих на те, что были на нем накануне, до резиновых сапог на теплой подкладке

из флиса. Эмори отодвинула обувь в сторону, пытаясь обнаружить скрытый люк, но ничего не нашла.

На полке над штангой лежали сложенные одеяла, теплые свитера и стояла обувная коробка с несколькими парами перчаток. Эмори сунула руку в одну из них и обнаружила, что перчатка пугающе велика ей.

Женщина положила все на место и в волнении захлопнула дверцу. Проклятье! Должно быть, он держит ружья в другом месте.

Оружейный шкаф она обнаружила под кроватью.

Джеф никогда не служил в армии, но Эмори видела достаточно фильмов, чтобы сразу понять, что это за ящик. У металлического чемодана были усиленные углы и внушительные медные застёжки. К счастью, они оказались не запертыми. Если ей удастся вытащить ящик из-под кровати, то она сможет его открыть.

Но ей придется непросто. Эмори ослабела, так как не ела уже сутки и большую часть этого времени провела в постели. Она всего лишь нагнулась, чтобы заглянуть под кровать, и поплатилась за это новым приступом головокружения и пульсирующей головной болью. Женщина сделала несколько глубоких вдохов, чтобы справиться и с тем, и с другим. Когда головокружение и головную боль снова стало можно терпеть, она ухватила за ручку ящика и потащила со всей силой.

Ей удавалось сдвинуть ящик всего на пару дюймов, потом приходилось отдыхать. К тому моменту, когда ящик выполз из-под кровати, Эмори была мокрой от пота, руки и ноги болели от усилий.

Она открыла застёжки и подняла крышку.

* * *

В ту секунду, когда он переступил через порог, она бросилась на него сзади, прыгнула ему на спину и впиалась пальцами ему в лицо.

Ее затрясло нервной дрожью, когда она услышала его возглас удивления и боли, когда ее ноготь содрал добрых два дюйма кожи с его щеки. Но ее успех оказался недолгим, секунд десять-пятнадцать.

Потом его пальцы в перчатках сомкнулись вокруг ее запястий и с силой отвели ее руки от его лица. Если поначалу она держалась на нем с яростной решимостью, теперь она сражалась так же отчаянно, чтобы освободить свои запястья от его железной хватки. Она колодила ногами по задней поверхности его бедер, но это было пустой тратой энергии.

Эмори признала тщетность попыток вырваться в ту же минуту, когда запас ее сил иссяк. Она повисла на нем, прикрывая его спину словно флаг побежденного противника.

– Закончила? – спросил он.

– Ни в коем случае.

– Сейчас я тебя отпускаю. Больше никаких глупостей, договорились?

– Иди к черту.

– Все мое время, Док, туда я попаду наверняка.

Постепенно опуская руки назад, он одновременно опускал и Эмори, пока та не коснулась ступнями пола, и сразу отпустил ее.

Она на это рассчитывала. Он не успел полностью развернуться к ней, как Эмори выдернула из стены мясной нож, который воткнула в бревенчатую стену заранее, и полоснула его по туловищу. Он едва успел выгнуть спину и втянуть живот. Эмори даже не задела его. Вторым удар попал по его куртке, но лезвие лишь слегка поцарапало плотную ткань.

– Будь ты проклят!

Эмори занесла нож над головой и опустила его на шею мужчины. Кончик лезвия вонзился в шерстяной шарф, но не успел добраться до плоти. Он перехватил ее руку и с унижительной легкостью разоружил ее. Отброшенный нож пролетел через комнату и заскользил по деревянному полу, пока не ударился о плинтус.

– *Теперь* ты закончила?

Эмори отшатнулась к стене, страхась возмездия. Мужчина выглядел огромным и неукротимым. Из глубокой царапины на лице капала кровь. Он вытер ее тыльной стороной руки, оставив красный след на замшевой перчатке.

Он посмотрел на свежую кровь, потом на нее.

– Полагаю, тебе стало лучше.

Эмори выпрямилась во весь рост и свирепо взглянула на него, презирая собственную слабость и испытывая ярость от его сдержанности.

– Может, расскажешь мне, из-за чего весь сыр-бор? – спросил он.

Он проследил за ее гневным жестом и посмотрел через плечо на обеденный стол, на котором Эмори разложила ноутбук и его зарядное устройство, которые она нашла в ящике под кроватью.

– Ты солгал мне.

– Нет.

– Ты сказал, что у тебя нет зарядного устройства.

– Я сказал, что у меня нет *телефона*. Его у меня действительно нет.

– Что ж, я нашла зарядное устройство, соединила его с моим мобильным телефоном два часа назад, но мобильник до сих пор не ожил. Что ты с ним сделал?

– Я вынул аккумулятор.

Его спокойное признание лишило Эмори дара речи. Пока она стояла, открывая и закрывая рот, он зацепил зубами средний палец правой перчатки и снял ее, потом начал расстегивать куртку.

– Почему? – прохрипела она.

– Чтобы он не мог посылать сигнал.

В ней еще теплилась надежда, что у нее разыгралось воображение, что она смотрела слишком много ТВ-шоу, прочитала чересчур много книг, документальных и художественных, о женщинах, которых похищали, мучили, подвергали издевательствам, убивали. Она цеплялась за становившуюся все слабее надежду на то, что этот человек не удерживает ее в этом уединенном месте против воли и с ужасными намерениями.

Но только что он разбил ее надежды вдребезги. Он вынул аккумулятор из ее телефона. Намеренно. Ее местонахождение нельзя определить с помощью GPS, а именно с этого начнут власти, когда Джеф сообщит им о ее исчезновении.

– Зачем ты меня сюда принес?

– Разве мы это уже не выяснили?

– Мы ничегошеньки не выяснили кроме того, что ты похититель и... – она замолчала, не желая наводить его на ненужные мысли.

Казалось, он прочел ее мысли, потому что вопросительно поднял темную бровь.

– И кто еще?

Она уже использовала свои близкие к нулю шансы на то, чтобы лишить его возможности двигаться, попытавшись сначала выцарапать глаза, а потом вонзить в него нож. Так как обе попытки провалились, единственным ее оружием оставался рассудок.

– Послушай, мне плевать, что ты натворил в прошлом. До сих пор ты не причинил мне вреда. На самом деле, ты был исключительно добр. И я это ценю. Для меня все могло бы сложиться намного хуже, если бы ты не оказался рядом, не нашел меня и не принес сюда.

Он выждал несколько секунд.

– Но?

– Но мне необходимо уехать сейчас же и отправиться домой. Ты должен отпустить меня.

Мужчина слегка приподнял плечи и кивком указал на дверь.

– Не заперто. Но я предупреждаю тебя: я не верю, что ты далеко уйдешь. Я прошел пару миль вниз по дороге, полагая, что там туман не такой плотный. Я так и не вышел из него.

– Ты шел пешком.

– Да.

– Почему ты не поехал на машине?

– По той же самой, по которой не повез тебя вчера вечером. Здесь с десятков американских горок. Я мог пропустить поворот и улететь вниз на три сотни футов.

– Но ты взял ключи от пикапа.

– Я не хотел, чтобы ты села за руль.

– Я об этом думала.

– Я это предвидел. Мне не хотелось, чтобы ты разбила машину и погибла сама. Именно поэтому я забрал ключи.

Мужчина сунул испачканные кровью перчатки в карман куртки и повесил ее на вешалку на стене, разматал шарф. От статического электричества волосы на его голове встали дыбом, когда он снял шапку. Вместе с шарфом она отправилась на вешалку.

Он подошел к камину, присел на корточки, помешал угли кочергой, потом добавил несколько поленьев. Выпрямившись во весь рост, он вытер руки о заднюю часть джинсов и поинтересовался, ела ли она что-нибудь.

– Нет.

Мужчина подошел к холодильнику и открыл его. Она подошла к нему и с такой силой захлопнула дверцу, что холодильник зашатался, а внутри зазвякали бутылки. Хозяин дома повернулся к ней с таким видом, словно мог бы убить ее на месте, но она не позволила запугать себя убийственным взглядом.

– Мой муж будет пытаться выяснить, где я и что со мной случилось. Он обратится в полицию, чтобы меня начали искать.

– Сегодня они тебя не найдут. Только не в таком тумане.

– Я могу отправить ему e-mail. Но мне нужен пароль к твоему ноутбуку.

Он посмотрел на компьютер, потом снова повернулся к холодильнику, толкнул ее бедром, чтобы убрать с дороги, и снова открыл дверцу.

– Я не отправляю e-mail.

– Ну и ладно. Я могу связать с ним через Facebook. Даже если Джеф не увидит мой пост, кто-нибудь из друзей...

– Прости, Док, нет.

– Но...

– Нет.

– Я даже не упомяну о тебе. Как я могу это сделать, когда даже не знаю твоего имени? Я просто сообщу Джефу, что со мной все в порядке.

Он покачал головой.

– Никаких деталей, обещаю, – продолжала уговаривать его Эмори. – Ты сможешь проверить пост перед тем, как я его отправлю.

– Нет.

Это было все равно, что преодолеть двадцатимильный рубеж в марафоне, которого все боятся. Нужно собраться с силами и преодолеть его, иначе проиграешь.

– Ты знаешь, что совершаешь преступление?

– Я даже пальцем тебя не тронул.

- Но ты удерживаешь меня здесь против моей воли.
 - Всему виной обстоятельства.
 - Ты бы мог их изменить, если бы захотел.
 - Я не могу изменить погоду.
 - Я говорила не о погоде. Ты не разрешаешь мне воспользоваться твоим ноутбуком, чтобы...
 - Ноутбук вне зоны доступа.
 - Почему?
 - Это мое дело.
 - Что бы это ни было, это не может быть хорошо.
 - Я и не говорил, что это хорошо. Просто это так.
 - Скажи мне, почему ты удерживаешь меня здесь.
- Он сделал шаг к ней и наклонился, чтобы их лица оказались почти на одном уровне. Шепотом куда более зловещим, чем любой крик, он произнес:
- Я не удерживаю тебя здесь, Док, – движением подбородка он указал на дверь. – Я не позволяю им войти.

Глава 6

Джеф вошел через дверь, ведущую в гараж, и отключил сигнализацию в доме. Свет нигде не горел. Комнаты были холодными и пустыми.

Когда он уезжал от Элис, та снова заговорила о своем страхе по поводу того, что Эмори знает об их романе.

– Ты уверен, что она не в курсе?

– Эмори чувствует себя брошенной, играет роль обиженной жены, как может, – заверил любовницу Джеф. – Она просто дуется, вот и все.

Но факт оставался фактом: от Эмори не было вестей, начиная с вечера пятницы, когда она позвонила из мотеля, в котором собиралась переночевать. Уже вечер воскресенья, то есть прошло достаточно много времени, чтобы мужу не позвонила жена, пусть даже обиженная.

Любой женатый мужчина в мире понял бы его желание переждать бунт Эмори и дать ей возможность самой справиться с ее вспышкой гнева. Но ничего не предпринимая, он выглядел не слишком красиво, даже в глазах собственной любовницы.

«Это на нее не похоже. Она всегда звонит. Ты не волнуешься за нее?» Элис не раз повторяла это в течение их совместных выходных.

Джеф не волновался, но знал, что ему следовало бы тревожиться. Он набрал номер мобильного Эмори, но сразу же после первого звонка включилась голосовая почта с просьбой оставить сообщение.

– Я думал, что к этому времени ты уже будешь дома. Позвони мне.

Эмори часто оставалась в клинике после окончания рабочего времени и по выходным, используя это время для бумажной работы. Джеф позвонил на основной номер, потом на номер, зарезервированный только для членов семьи. И там, и там включился автоответчик. Он оставил сообщения, прося жену позвонить ему.

Затем он позвонил в больницу, где она практиковала, и попросил соединить его с педиатрическим отделением.

Снявшая трубку медсестра узнала его по голосу.

– Чем я могу вам помочь, мистер Сюррей?

– Доктор Шарбонно в отделении?

– Я думала, что она до завтра выходная.

– Так и есть. Но я ждал, что она вернется сегодня днем, и мне не удалось связаться с ней по мобильному. В клинике никто не ответил. Я подумал, что она заехала в больницу, чтобы проверить пациента, и задержалась.

– Моя смена только что началась, поэтому я не знаю. Я спрошу.

– Спасибо. Если кто-нибудь ее видел, попросите этого человека позвонить мне. Если моя жена появится, скажите ей, что в ее мобильном сразу включается голосовая почта. Она должна проверить аккумулятор.

Джеф нажал на кнопку «отбой», бросил мобильный на свой письменный стол, встал и начал мерить шагами комнату, решая, как ему поступить. На обдумывание ушло еще несколько минут, но логичным было только одно решение.

Десятью минутами позже Джеф уже мчался на север по автостраде.

* * *

Эмори взяла поджаренный на гриле сэндвич с сыром и принялась откусывать маленькие кусочки, проверяя, справится ли ее желудок с твердой пищей. Ее больше не тошнило, осталось только неприятное ощущение под ложечкой, что из этой хижины ей живой не уйти.

После того, как хозяин дома не позволил ей воспользоваться его ноутбуком, Эмори снова легла в постель, не упустив возможности демонстративно поднять крышку компьютера. Она улеглась поверх одеяла, прикрыв его уголком только ноги.

Так Эмори и лежала, напряженная и настороженная. Но мужчина не обращал на нее внимания, занимаясь своими делами. Она почувствовала аромат кофе, который он сварил, и яичницы, которую он для себя поджарил. Потом он вымыл посуду и вышел на улицу, но отсутствовал всего пару минут. Прислушиваясь к его передвижениям по комнате, Эмори задремала.

Проснувшись она через несколько часов. Стемнело. Через прорези в ширме она видела, что мужчина включил лампу под джутовым абажуром.

Эмори переживала, не привела ли безуспешная попытка атаковать его к ухудшению ее собственного состояния, оставив совершенно без сил. Но когда она села в постели, выяснилось, что головокружение уже не так ее мучает. А вот головная боль никуда не делась.

Женщина встала и отправилась в ванную. Потом, хотя она поклялась себе, что скорее ад замерзнет, чем она выйдет из своего хилого укрытия, что ему придется тащить ее за волосы из-за ширмы, Эмори вышла из-за нее.

В ту минуту, когда она это сделала, мужчина как раз вернулся с улицы, столь же тепло одетый, как и раньше. Он принес охапку дров. Увидев Эмори, он помедлил на пороге, потом закрыл дверь ногой, вытер подошвы сапог о джутовый коврик и отнес поленья к камину. Он следил за тем, чтобы ящик для дров не пустовал.

Как только мужчина переложил туда свежие поленья, он сразу снял верхнюю одежду, стряхнув льдинку с куртки, прежде чем повесить ее на вешалку.

– Пошел снег с дождем.

– Какая удача для тебя. Чем хуже погода, тем тебе легче удерживать меня здесь в плену. Копируя ее иронию, он ответил:

– Взгляни на светлую сторону. Тебе не придется голодать. У меня достаточно еды, чтобы мы могли продержаться несколько дней.

После такого диалога он отправился готовить куриный суп с лапшой из банки и сэндвичи с сыром, один из которых теперь неторопливо ела Эмори. Честно говоря, простая еда оказалась восхитительной на вкус, и чем больше она ела, тем сильнее становился ее голод. После пробежки накануне Эмори испытывала недостаток углеводов. Суп восполнил потерянный натрий. Она съела всю порцию.

Хозяин дома заметил ее пустые тарелки, но воздержался от комментариев и просто отнес их в мойку.

– Кофе?

– Нет, благодарю. У тебя есть какой-нибудь чай?

– Чай, – он повторил это слово так, словно никогда его не слышал.

– Неважно.

– Прости, я не любитель чая, – он поставил свою кружку с кофе на стол и сел напротив Эмори.

– Тебе следовало бы его иметь. Кто знает, вдруг пленница его попросит.

– Ты у меня первая.

– Первая пленница или первая любительница чая?

– И то и другое.

– Я тебе не верю.

Совершенно не тронутый этим мужчина дернул плечом и подул на кофе, прежде чем отпить первый глоток. Поставив кружку на стол, он перехватил взгляд Эмори, устремленный на металлическую перекладину между стропилами. Когда она снова посмотрела на мужчину, их глаза встретились, и Эмори показалось, что ее ударили под дых. Она не собиралась спрашивать его о перекладине, боясь услышать ответ.

Ощущая тяжесть его взгляда, она принялась водить пальцем по узору на дереве стола.

– Что ты сделал?

– Когда?

– Я о твоём преступлении. Что это было?

Эмори не смотрела на него столько, сколько смогла. Когда она осмелилась встретиться с мужчиной взглядом, его глаза сверкали, словно ограненные драгоценные камни. Эмори сочла бы их красивыми, если бы не боялась их.

– Помнишь, ты сказал: «Я не позволяю им войти»?

– Угу.

– Ты о полиции? Ты прячешься от властей!

– В десятку, Док.

– Прекрати называть меня так. Похоже на кличку домашнего питомца. А я не собираюсь быть для тебя домашним питомцем.

– Послушного питомца из тебя не получится. Ты царапаешься.

Эмори постаралась не смотреть на длинную кровавую отметину на его щеке. Кровь запеклась, но царапина выглядела ужасно. Ему явно было больно.

– Тебе следовало бы обработать рану перекисью, чтобы не занести инфекцию.

– Точно, следовало бы. Но мне не хотелось рушить эту стену Иерихона, – он кивком указал на ширму. – Я боялся нового нападения.

– Я не настолько сильно тебя ранила.

– Я не боялся, что ты причинишь мне боль. Я боялся сделать больно тебе.

Выражение шока на ее лице заставило его объяснить:

– Не специально. Но если бы мне пришлось защищаться от тебя, я мог бы сделать тебе больно, потому что я намного крупнее тебя.

Его габариты были бы пугающими и в том случае, если бы Эмори стояла за ним в очереди в супермаркете, или оказалась в одном лифте, или даже сидела рядом в самолете. Ему незачем было стараться выглядеть внушительным, его роста было достаточно. Свитер кремового цвета с узором в виде кос облегал его торс, подчеркивая ширину плеч и груди.

В его кистях, обхвативших керамическую кружку с кофе, та казалась хрупкой фарфоровой чашечкой из игрушечного чайного сервиза, которым Эмори играла в детстве. Даже в спокойном состоянии руки мужчины пугали ее. От косточки на запястье до кончиков длинных пальцев они выглядели так, будто способны сделать...

Многое.

Эмори вспомнила, как нежно эти пальцы касались ее шеи. *Вы же мокрая как мышь.* От мыслей, промелькнувших в ее голове, щеки женщины вспыхнули. Она сделала глоток воды из стакана, потом возобновила свой допрос с того места, на котором остановилась.

– Ты служил в армии?

– Почему ты спрашиваешь?

– Ты очень аккуратен. Все сложено, все на своем месте. Сапоги стоят парами.

– Должно быть, ты тщательно обыскала мой дом.

– А ты этого не ожидал?

– Ожидал, – он вытянул длинные ноги перед собой. – Я знал, что ты любопытна.

- И что же ты заранее от меня спрятал? Наручники? Кожаные ремни?
- Только мой ноутбук. И не слишком хорошо, как оказалось. Но я не думал, что у тебя хватит сил вытащить ящик из-под кровати.
- Я приложила все силы, которые у меня были.
- У тебя осталось достаточно, чтобы наброситься на меня.
- Но этого не хватило, чтобы с тобой справиться.
- Тебе следовало об этом подумать.
- Я подумала.
- Ах, да, верно. Мясной нож.
- Не слишком-то он мне помог.
- Он проделал дыру в моем самом лучшем шарфе.
- Ему хватало наглости веселиться, и это вывело Эмори из себя. Она решила заставить его врасплох.
- Расскажи мне о войне.
- Удар попал в цель. Мужчина подтянул ноги, сел прямее, отпил глоток кофе. Обычные, непринужденные действия, но в данном случае красноречивые.
- Итак? – нажала Эмори.
- Что ты хочешь узнать?
- В каких войсках ты служил?
- Молчание.
- Когда ты служил?
- Молчание.
- Где?
- Когда мужчина не ответил и на этот вопрос, Эмори сказала:
- Нечего сказать на военную тему?
- Только то, что я никому бы этого не посоветовал.
- Они смотрели друг на друга через стол. В его немигающем взгляде Эмори увидела предупреждение: на этом разговор надо закончить. Она не стала испытывать судьбу.
- Коробки с патронами в шкафчике в ванной комнате...
- Я думал, что ты их не достанешь.
- Мне пришлось встать на цыпочки. Если у тебя есть патроны, то должны быть и ружья.
- Во время твоего обыска оружие ты не нашла?
- Эмори покачала головой.
- Очень плохо. Иначе ты могла бы пристрелить меня, вместо того чтобы царапать ногтями или пытаться заколоть ножом. Тебе бы понадобилось меньше сил.
- Он снова над ней смеялся. Эмори нанесла ответный удар.
- Твое преступление было связано с насилием?
- Его усмешка исчезла. Нет, не исчезла, потому что это предполагает постепенное действие. Его веселость испарилась мгновенно, уголки рта опустились, губы превратились в узкую твердую полосу, привычную для него.
- В высшей степени.
- Прямой ответ наполнил Эмори отчаянием и мучительным чувством безнадежности. Она бы предпочла, чтобы он все отрицал или смягчил свои слова. Все еще цепляясь за тщетную надежду, женщина сказала:
- Если это было нечто такое, что ты совершил в военное время...
- Нет.
- Понимаю.
- Он резко хохотнул.
- Ты ни черта не понимаешь.

Мужчина поднялся так внезапно, что Эмори едва не лишилась чувств. Она тоже вско-
чила, оттолкнув стул. Тот упал. Когда раздался грохот, Эмори поморщилась.

Он обошел стол, поднял ее стул, поставил на место сердитым движением, так что
ножки громко стукнули о пол.

– Прекрати вскакивать при каждом моем движении.

– Тогда прекрати меня пугать.

– Я не пугаю.

– Пугаешь!

– Я не собирался этого делать.

– И все-таки ты меня пугаешь.

– Почему? Я не сделаю тебе ничего плохого.

– Если это правда, тогда позволь мне позвонить мужу...

– Нет.

– ...и сказать ему, что со мной все в порядке.

– Нет.

– Почему?

– Мы это уже проходили. Я устал говорить об этом. И я устал от того, что мне прихо-
дится справлять малую нужду на улице под проклятым деревом. Именно этим я и занимался
весь день, чтобы не потревожить твой сон. Но теперь я собираюсь пойти в ванную, восполь-
зоваться удобствами и принять душ. Чувствуй себя как дома. Суй нос куда тебе заблагорас-
судится, – мужчина широким жестом обвел комнату. – Дом в полном твоём распоряжении.

Резкими движениями мужчина собрал ширму, панели громко стучали друг о друга,
потом поставил ее на место у стены.

– Ширма будет стоять здесь.

Подойдя к двери ванной комнаты, он открыл ее и включил свет, но прежде чем войти
внутрь, он обернулся к Эмори:

– Ты заблудишься, не пройдя и десяти ярдов. Но сегодня вечером мне что-то не хочется
тебя искать. Так что похорони все планы, которые ты уже наметила.

После этого он вошел в ванную.

Как только за ним закрылась дверь, Эмори взяла ноутбук с дивана, куда мужчина поста-
вил его, пока накрывал на стол к ужину. Она села с компьютером к столу, подняла крышку,
включила и подвела курсор к окошечку пароля.

Ее пальцы замерли на клавишах. И там и остались. Как она могла угадать его пароль,
если она совершенно ничего не знала о нем? Ни имени, ни дня рождения, ни родного города,
ни занятия, ни хобби. Ничего.

Эмори все же попробовала несколько сочетаний, некоторые на военную тему, боль-
шинство были просто смехотворными. Но как она и ожидала, ни одно из них не подошло.

– Проклятье!

– Не везет?

Она резко дернулась и развернулась на стуле, не услышав, как мужчина вышел из ван-
ной. На нем были только джинсы. Носки, сапоги и свитер он держал в руках. Если Эмори он
казался пугающим до этого, то в таком виде он страшил ее еще больше. Влажные волосы.
Босые ступни. Голая грудь.

В смятении Эмори снова повернулась к ноутбуку, не слишком аккуратно опустила
крышку и встала.

– Иди к чертям!

– Ты уже это говорила.

– И я не шутила.

Она обошла его и направилась в ванную.

– Я оставил тебе немного горячей воды.

Эмори громко хлопнула дверью и собралась уже закрыться на защелку, когда вдруг обнаружила, что таковой нет.

Ей очень хотелось принять душ, манил свежий аромат мыла и шампуня, но она боялась снять одежду, поэтому решила только освежиться над раковиной с помощью одной из его аккуратно сложенных махровых салфеток-мочалок. Она провела ею по испачканным кровью волосам, но смыть твердую корку не смогла, тем более что каждое движение причиняло боль.

На крючке на двери висела та самая фланелевая рубашка, в которой она спала прошлой ночью. Утром, еще до его возвращения, Эмори переоделась в свой костюм для бега, но теперь ей не терпелось снова влезть в рубашку.

Женщине очень хотелось расчесать спутанные волосы там, где на них не было крови. Но воспользоваться чужой щеткой для волос ей показалось слишком интимным. Зубы она почистила пальцем.

Перед тем как открыть дверь, Эмори выключила свет в ванной. Мужчина сидел в шезлонге и при свете лампы читал книгу в бумажном переплете. Пока она отсутствовала, он надел белую футболку без рисунка и белые носки. Он не поднял голову и ничем другим не показал, что заметил ее присутствие.

Эмори скользнула под одеяло, сняла легинсы для бега, потом повернулась на бок лицом к стене.

Спустя полчаса он выключил лампу. Эмори еще не спала и остро ощутила его приближение к кровати. Она крепко зажмурилась и затаила дыхание.

Вне себя от страха она снова и снова повторяла про себя: «Пожалуйста, не надо. Пожалуйста, не надо. Пожалуйста, не надо».

Но в этой мольбе была просьба не только не причинять ей боль, не убивать ее, но и не разочаровать ее. Это было глупо, необъяснимо, но так было. По причинам, не имевшим ничего общего со страхом, она не хотела, чтобы он оказался психопатом, насильником, убийцей, чтобы в нем было нечто ненормальное или дьявольское.

– Я знаю, что ты не спишь. Посмотри на меня.

Если не считать гулко стучавшего сердца, она лежала не шевелясь.

Матрас прогнулся, когда он поставил колено рядом с ее бедром. Эмори в испуге повернулась на спину и ахнула, когда он поставил ладони по обе стороны от ее плеч, нависая над ее телом, не позволяя ей видеть стропила, пугающую металлическую перекладину. Ничего кроме его лица.

– Когда погода улучшится, клянусь, я отвезу тебя вниз. Я прослежу за тем, чтобы ты была в безопасности. До этого момента я не причиню тебе боли. Понятно?

Не в силах вымолвить ни слова, Эмори только кивнула.

– Ты мне веришь?

Она ответила абсолютно честно:

– Я хочу тебе верить.

– Ты можешь мне верить.

– Как я могу верить, если ты не ответил на главные вопросы?

– Задай мне главный вопрос.

– Как тебя зовут?

– Это имеет значение?

– Если это не имеет значения, почему ты мне не говоришь?

– Поверь мне, Док, если ты влезешь в мою жизнь, тебе не понравится то, что ты обнаружишь.

– Если ты не хотел, чтобы я в нее влезла, тебе не следовало приносить меня сюда.

Он почти улыбнулся.

– В этом ты права.

Эмори рассматривала черты его лица, пытаясь по нему прочесть, что такое ужасное он совершил. Это было сильное лицо, в высшей степени мужское, но в нем было больше таинственного, чем угрожающего.

– Почему ты скрываешься от властей?

– Почему люди это делают?

– Чтобы их не поймали.

– Ты сама все сказала.

– Как законопослушная гражданка я просто не могу...

– Нет, можешь, – с напором произнес он. – Ты можешь *просто* не спрашивать.

Эмори вдруг утомили его завуалированные угрозы, и она решила бросить ему вызов.

– Или что? Что ты сделаешь? Ты обещал не причинять мне боли.

Даже если бы она не видела его глаза в темноте, она бы почувствовала их взгляд, вбирающий в себя ее рот, шею, распахнутый ворот рубашки, все тело до самых бедер. Потом их глаза снова встретились.

Эмори затаила дыхание.

Он прошептал:

– Тебе не будет больно.

Глава 7

Эмори опустила занавеску на окне.

– Безнадёжно.

За ночь погода ухудшилась. Пошел снег, он толстым слоем ложился на мокрую от дождя со снегом землю. Да, погода была на его стороне.

Мужчина сидел у стола и возился с тостером, который за завтраком отказался поджаривать хлеб.

– Сколько лет этому прибору?

Ее недовольный тон заставил его поднять голову.

– Не знаю. Он мне достался вместе с хижинкой.

– Почему ты просто не купишь новый?

– Этот можно починить. И потом, мне нравится ремонтировать вещи.

Он уже склеил разбившуюся дужку ее солнечных очков и положил их на столе, чтобы клей высох.

– Ты прирожденный умелец?

– Я справляюсь.

Он, несомненно, скромничал, потому что у него отлично все получалось. Ему пришлось жить так, как он жил, один, в уединении, полагаясь только на самого себя.

Джеф не смог бы повернуть термостат на тостере, куда уж там починить его. Нет, нечестно так о нем думать. От него никогда не требовалось чинить бытовые приборы. Он бы удивился, узнав, что Эмори это показалось бы милым, пусть даже у него ничего бы не вышло.

Кстати, она никогда не просила мужа помогать по дому. Возможно, ей следовало это сделать. Если бы она не была настолько самостоятельной и обращалась бы к Джефу с мелкими просьбами, может быть, они были бы счастливее.

Разлад между ними начался год назад, когда он не сумел стать партнером в той инвестиционной фирме, в которой он работал. Джеф делал вид, что ему все равно, хотя Эмори знала, что для него это стало огромным разочарованием и ударом по его «я».

Желая поддержать его, Эмори начала намеренно звонить ему в течение дня, иногда по каким-нибудь пустякам, просто чтобы дать ему понять, что она о нем думает. Но это не только не взбодрило его, казалось, повышенное внимание только раздражает его. В какой-то момент муж даже попросил ее – с ледяной холодностью – прекратить опекать его.

Пытаясь наладить их отношения, Эмори сменила тактику. Она принялась предлагать какие-то развлечения на выходные с таким расчетом, чтобы это интересовало Джефа. Дегустация вин в долине Напа. Фестиваль независимых фильмов в Лос-Анджелесе. Номер в гостинице и завтрак во Французском квартале.

Ее идеи были встречены либо прохладно, либо с откровенной насмешкой. Их сексуальная жизнь как-то еще теплилась до тех пор, пока Джеф не пожаловался на ее нерегулярность, хотя в то же самое время он перестал быть ее инициатором. Гордость не позволяла Эмори попытаться соблазнить его. Они оказались в безвыходном положении. Трещина между ними продолжала шириться. Месяцы нарастающего напряжения вылились в скандал по поводу того, что Джефу безразличен грядущий марафон. Это было благотворительное мероприятие с целью сбора средств, инициатором которого была Эмори. Она же помогала организовать этот марафон. Джеф не только не проявил никакого интереса, но и отнесся к событию враждебно, заявив, что жена «одержима» этим марафоном.

Его неприятие того, что было настолько важно для нее, стало симптомом его эмоциональной холодности в целом. Когда Эмори заговорила об этом за обедом в последний четверг, ситуация быстро стала взрывоопасной.

Но она не сказала мужу, что догадывается о его неверности. Это она оставила при себе. Ведь когда у мужчины страдает его эго, то разве не в сексуальных авантюрах он ищет утешения?

Но у Эмори не было доказательств для таких обвинений, поэтому она промолчала. Она уехала в пятницу днем, сердитая, но с надеждой на то, что ночь вдали от дома поможет ей привести мысли в порядок и, честно говоря, поможет справиться с силами, чтобы сохранить их брак.

Эмори не рассчитывала упасть и получить сотрясение мозга, не предполагала, что ее «спасет» безымянный мужчина, который, даже не прикоснувшись к ней, пробудил накануне вечером больше сексуального желания, чем Джеф за весь прошедший год.

– Ты замерзла?

Его вопрос прервал размышления Эмори.

– Что?

– Ты растираешь плечи. Тебе холодно?

– Нет.

Мужчина оставил разобранный тостер, встал и направился к камину. Когда поленья, которые он подбросил в огонь, загорелись, он поставил на место экран и жестом пригласил Эмори подойти.

– Двигайся ближе. Грейся.

– Кто привозит тебе дрова?

– Никто. Я сам рублю.

– Ты ходишь в лес и валяешь деревья?

– Люди это делают, знаешь ли.

Никто из ее знакомых этого не делал. Все заказывали дрова у поставщика – их привозили и складывали – или покупали небольшие вязанки в супермаркете вместе с хлебом и молоком.

Довольный тем, что свежие дрова разгорелись, мужчина вернулся к столу, взял солнечные очки Эмори и передал их ей.

– Клей высох. Думаю, будет держаться.

Она проверила дужку на прочность.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

– Твои руки кажутся слишком крупными для такой мелкой работы. Я бы и не подумала, что ты настолько ловкий.

– Я могу быть ловким, когда обстоятельства того требуют.

Эмори поняла, что его забавляет ее неожиданный комплимент, и он доволен собой, потому что сумел удачно ответить. Отвернувшись от него, она сунула очки в карман рубашки. Мужчина сел к столу и снова начал возиться с тостером, явно совершенно довольный собой. Эмори вдруг показалось, что ее кожа ссохлась.

– Неужели это не сводит тебя с ума?

– Что?

– Тишина. Одиночество.

– У меня в ноутбуке есть музыка.

– Мы могли бы немного послушать?

– Отличная попытка, Док, но у тебя ничего не выйдет.

Эмори меряла шагами комнату.

- Разве скука не заставляет тебя развлечься?
- Мне никогда не бывает скучно.
- Как такое возможно? Чем ты занимаешься целый день? То есть когда не чинишь мелкие бытовые приборы?
- Эмори хотелось обидеть его, но он не обиделся.
- Проектами.
- Например?
- Я строю сарай для моего пикапа.
- Сам?
- Это не слишком сложно, но я человек придирчивый, поэтому уходит много времени. Я надеялся закончить его до наступления зимы, – он бросил взгляд за окно. – Но не успел.
- Чем еще ты занят?
- Я мастерю книжные полки.
- И все? Это все, что ты делаешь? Бесцельно слоняешься по дому и вносишь мелкие улучшения?
- Я охочусь, пусть и не часто. Иногда хожу на рыбалку.
- Когда тебе надоедает оленина.
- Нет, я не люблю рыбу, поэтому всегда выбрасываю улов обратно. Много хожу пешком. Здесь великолепные пейзажи. Мне случается ночевать в палатке, но я предпочитаю мою постель спальному мешку.
- Значит, ты не против комфорта.
- Мужчина ответил с полуулыбкой:
- Нет. Я люблю горячий душ и горячий кофе.
- Эмори огляделась по сторонам, пытаясь оценить небольшое пространство, в котором он жил.
- Не могу представить себя запертой здесь, тем более, если мне нечем заняться.
- Я должен кое-что сделать. И я это делаю.
- Чинишь старый тостер?
- На этот раз он не отреагировал на ее подколку. Откинувшись на спинку стула, он задумчиво смотрел на нее, постукивая маленькой отверткой по ладони.
- Есть и другие вещи, которые нуждаются в ремонте.
- И что будет, когда их больше не останется?
- Не думаю, что такое случится.
- Более чем напуганная его тоном, предупреждавшим: «не переступай черту», Эмори сделала круг по комнате, подошла к одному из окон и отодвинула занавеску, чтобы посмотреть на улицу. Снегопад только усилился.
- Как далеко отсюда до Дрейкленда?
- Расстояние больше марафонской дистанции. Говорю на тот случай, если ты решишь бежать всю дорогу.
- Я провела там вечер пятницы, но почти не видела город. Он красивый?
- Почти цивилизованный. Есть сетевые магазины и кинотеатр с несколькими залами. Она проигнорировала его сарказм.
- Как часто ты там бываешь?
- В кинотеатре?
- В городе.
- Езжу, если мне что-то нужно, и когда захочется ехать.
- Ты встречаешься с друзьями?
- Леди в пончиковой всегда со мной разговаривает. Она знает меня в лицо.
- Но не знает твоего имени.

Мужчина ничего не сказал.

– Нет друзей. Нет ничего... – Эмори не нашла подходящих слов и вернулась к камину и села. – Как ты зарабатываешь на жизнь? За что тебе платят?

– Мне хватает.

– Это не ответ.

– Я могу купить себе одежду и еду, но больших денег у меня нет, – помолчав, он добавил: – Не то что у тебя.

– У меня нет огромного состояния.

Он поднял одну бровь.

– Богатство относительно, – раздраженно сказала она. – И потом, откуда ты...

Эмори замолчала и посмотрела на ноутбук, стоявший на придиванном столике под лампой.

– Ты меня проверял?

– В тот день, когда принес тебя сюда.

– Ты узнал мое имя из водительского удостоверения.

– Остальное было просто. Нажал несколько клавиш. Выскочило название компании «Нефть и газ Шарбонно». Ты наследница.

Она не была готова говорить с ним на такие личные темы и все же услышала собственный ответ:

– Я ненавижу это слово.

– Это еще почему?

– Потому что оно означает, что мои родители мертвы. Полагаю, ты прочитал и об этом.

Мужчина отложил отвертку и очень внимательно посмотрел на нее.

– Друг твоего отца был за штурвалом самолета.

– Он был опытным пилотом, налетал на своем собственном самолете тысячи миль. Две супружеские пары – лучшие друзья навсегда – летели в Оклахому на футбольный матч, – Эмори принялась крутить пуговицы на манжете рубашки, которую она надела поверх своего костюма для бега, чтобы создать дополнительный защитный слой. – Они разбились при посадке.

Позади Эмори ярко горело пламя камина, согревая ей спину, но не достигая холодной пустоты в ее душе, возникшей при воспоминании о потере родителей.

– Долгое время я не могла прийти в себя. Я молилась богу и проклинала его, иногда в одной и той же фразе. Я изнуряла себя рыданиями. В порыве гнева я остриглась наголо. Для меня горе было болезнью. К несчастью, неизлечимой. Я просто научилась с этим жить.

Когда она поняла, насколько тихо стало в комнате, Эмори повернула голову и сосредоточила взгляд на мужчине.

Он сидел совершенно неподвижно, пристально глядя на нее.

– Других родственников у тебя нет?

– Нет. Я совсем одна. Нас хорошо знали в Батон-Руж. Куда бы я ни пошла, я обязательно встречала кого-нибудь, кто хотел поговорить о маме и папе и выразить свои соболезнования. Это тяжело выносить. Мне показалось, что нужно уехать из города, начать все сначала в другом месте, чтобы выжить. Поэтому после окончания ординатуры я продала наш дом, свои акции в компании и переехала. Новый город, новый штат, – Эмори машинально проводила по бедрам ладонями, как будто вытирала их. – Теперь ты все знаешь. Или я что-то упустила?

– Как ты встретила с мужем?

– Нас познакомил общий друг.

– Любовь с первого взгляда?

Эмори вскочила:

– Все, что тебе нужно знать о Джефе, это то, насколько он встревожен в данный момент.

– Сколько вы уже женаты?

– Три года плюс несколько месяцев.

– Эти годы были счастливыми?

– Да.

– Кожа на голове болит?

– Что? – Тут Эмори поняла, что трет рану рукой, и опустила ее. – Нет. Шишка стала меньше. Ссадина чешется.

– Значит, заживает.

– Это значит, что мне нужно вымыть голову.

– Почему ты не пользуешься душем?

– А ты как думаешь?

– Потому что ты не хочешь раздеваться догола.

Его определенный ответ не требовал пояснений.

Он последний раз повернул отвертку, потом поставил тостер на ножки в центре стола и несколько раз проверил рычаг, выбрасывающий хлеб. Больше ничего не заедало. Он встал, перенес тостер на кухонный стол и поставил на обычное место. Отвертка отправилась в ящик с инструментами.

– А как насчет тебя?

– Я не против того, чтобы раздеться догола.

– Я говорю не об этом.

Он скрестил руки за спиной и оперся ими о кухонный стол, потом скрестил лодыжки с большей медлительностью, чем, по мнению Эмори, мог себе позволить мужчина его размеров. Казалось, он чувствует себя в высшей степени комфортно и в своем теле, и в своем доме, и в этой странной ситуации. Его явно не выводило из себя то, что сводило с ума Эмори, особенно тайна в нем самом.

– Тогда о чем ты говоришь, Док?

– О семье. У тебя где-нибудь есть жена?

Прошлой ночью выражение его лица бросало ей вызов: «попробуй, сунь нос», а тяжелый взгляд предупреждал Эмори, что продолжать не стоит ради собственной безопасности. Теперь он смотрел на нее точно так же.

– Нет.

– И никогда не было?

– Ни невесты, ни жены, никогда.

Он помолчал несколько минут, потом спросил:

– Что-то еще?

Да, тысяча вопросов, но Эмори лишь покачала головой.

– Тогда прошу меня извинить.

Он прошел мимо нее и скрылся в ванной.

Разговор взволновал ее еще больше. Она обнажила свою душу, рассказав о трагической гибели родителей и о том, как это на нее повлияло. На эту тему Эмори обычно не говорила, потому что это причиняло ей сильную боль.

Он продолжал уклоняться от вопросов, на которые мог бы ответить парой слов. Вместо этого он держал ее в темноте, и эта мрачная неизвестность заставляла ее нервничать.

Почувствовав, что замерзла, Эмори снова подошла к камину. Недавно подброшенные поленья быстро сгорели. Она отодвинула каминный экран, взяла из ящика поленья поменьше и аккуратно положила поверх горящих, потом потянулась за другим. Когда она взяла его, остальные поленья сместились, открыв нечто на дне ящика.

Это был коричневый упаковочный пакет большего размера, чем мешок для ленча, но не такой большой, как пакет для покупок. Эмори с любопытством вытащила его из-под дров. Пакет оказался тяжелым.

Чтобы пакет не открывался, его верх был сложен несколько раз. Она открыла пакет.

Внутри оказался камень, дюймов восемь в диаметре в самом широком месте, с острыми краями в верхней части, похожими на миниатюрную горную гряду. Эти выступы были темно-красными от крови. Она протекла в крошечные трещины словно зловещий поток лавы. К засохшей крови прилипли несколько прядей волос той же длины и того же цвета, что и ее собственные.

Эмори пронзительно вскрикнула, и в ту же секунду руки, на которые она обратила внимание именно из-за их величины и силы, схватили ее сзади за плечи, развернули и вырвали пакет у нее из рук.

– Ты не должна была этого видеть.

Глава 8

Специальный агент ФБР Джек Коннел поднялся по ступеням из песчаника, посмотрел на ящик на двери и нажал на кнопку домофона рядом с фамилией Гэскин. Женщина ждала его и ответила практически мгновенно:

– Это вы, мистер Коннел?

– Да.

Она впустила его. Мужчина открыл парадную дверь, вошел в маленький вестибюль, затем открыл дверь из тяжелого резного дерева со стеклянными панелями. Она предупредила его, что дом старинный, его не модернизировали, поэтому в нем нет лифта, но, к счастью, нужная ему квартира оказалась на втором этаже.

Коннел поднялся на площадку с красивыми резными балясинами перил. Элинон Гэскин стояла в проеме открытой двери. Она протянула ему правую руку.

– Вы не изменились.

– Не могу сказать то же самое о вас.

Женщина добродушно рассмеялась и похлопала свой большой живот.

– Что ж, такое случается.

Теперь ей было немного за тридцать, и ее красота бросалась в глаза. Широко расставленные карие глаза, прямые темные волосы, подстриженные почти в стиле эмансипе 1920-х годов, черные легинсы, балетки и просторная блуза для беременных. В ее улыбке не было ничего искусственного. Пожав гостю руку, она сделала шаг в сторону и пригласила его войти.

– Спасибо, что позвонили мне, – сказал Коннел. – Мы оставляем визитные карточки людям, но почти не надеемся, что нам кто-то позвонит. Особенно, когда прошло столько времени.

– Четыре года, если я не ошибаюсь.

Прошло четыре года с расстрела в Уэстборо, штат Виргиния. Он опрашивал эту молодую женщину спустя два месяца после того страшного дня, но потом они не общались до того момента, когда она неожиданно позвонила ему накануне вечером.

– Присаживайтесь, – пригласила она. – Могу я что-нибудь вам предложить?

– Нет, спасибо.

Специальный агент сел на диван. Комната купалась в солнечном свете, лившемся через эркер, выходивший на улицу. Это был обсаженный деревьями исключительно жилой квартал, расположенный между двумя многолюдными бульварами в Нью-Йорке, в Верхнем Вест-Сайде.

– Красивое здание, – начал Коннел. Квартира, подобная этой, которая, казалось, занимала весь второй этаж особняка из песчаника, стоила очень дорого. Как будто читая его мысли, хозяйка дома ответила:

– Мой муж унаследовал эту квартиру после своей бабушки. Она прожила здесь более сорока лет. Разумеется, нам пришлось ее отремонтировать. Новые ванны, комнаты, новая кухня. И самое лучшее, что здесь есть отдельная комната для детской.

– Первый ребенок?

– Да. Это девочка.

– Поздравляю.

– Спасибо. Мы в восторге.

Они обменялись вежливыми улыбками посторонних людей, которым необходимо обсудить кое-что важное, но неприятное. Женщина решила первой:

– Вы посмотрели видео, которое я вам отправила?

– Не менее десяти раз. Но мне бы хотелось посмотреть его вместе с вами, чтобы проверить, на ту ли женщину я смотрел.

Элинор подошла к шкафчику с набором видеотехники. Она включила то, что требовалось, и на плоском экране телевизора на стене над камином пошла запись. Женщина осталась стоять чуть сбоку с пультом дистанционного управления в руке. Внизу картинки горели буквы названия телеканала.

– Сейчас вы увидите... Вот она.

Элинор остановила запись и указала на женщину, лицо в толпе. Это был сюжет из национальных новостей, вышедших накануне вечером. Протестующие из Олимпии, штат Вашингтон, шли к Капитолию штата, протестуя против закона об оружии. Женщина, о которой говорила Элинор, несла плакат.

– Я так и думал, что вы говорите о ней, – сказал Коннел. – Она похожа на Ребекку Уотсон, но... я не уверен на сто процентов.

Джек подошел к телевизору, чтобы посмотреть поближе. Он изучал лицо среди десятков других лиц.

– Вы узнали Ребекку по этому кадру?

– Сразу, как только я ее увидела.

Он с сомнением посмотрел на Элинор.

– Я хорошо знала Ребекку. Я переехала в город сразу после колледжа, была совершенно «зеленой». Она решилась принять меня на работу. Люди никогда не забывают своего первого работодателя. Мы проработали вместе в универмаге «Мэйси» почти пять лет до трагедии в Уэстборо и были не просто знакомыми. Я была ее правой рукой.

Каждый рабочий день мы долгие часы проводили вместе. Тогда я была не замужем. Она только что развелась. Иногда мы шли к ней домой после обычного рабочего дня и продолжали работать, а потом выпивали бутылочку вина. Мы были подругами.

Элинор повторяла все то, что уже говорила ему четыремя годами ранее, когда Ребекка Уотсон пропала. Коннел тогда опрашивал ее в связи с внезапным исчезновением подруги. Молодая женщина была расстроена и встревожена. И она была искренней. Он бы поставил свою карьеру на ее правдивость. Но в то время она не могла сказать ему ничего полезного. Джек оставил ей свою визитную карточку и попросил немедленно позвонить ему, если она когда-либо увидит Ребекку Уотсон или получит от нее известия.

Накануне вечером Элинор Гэскин так и сделала. Но он не мог позволить себе слишком радоваться такому развитию событий. Пока не мог. Четыре года он шел по следам, которые казались многообещающими. Все они привели его в тупик.

– Она изменилась, – заметил агент Коннел. Четыре года назад он тоже проводил время с Ребеккой Уотсон, но они никогда не распивали бутылочку вина. Их общение было бурным. Он допрашивал ее часами, днями. Ребекка с самого начала заявила ему, что никогда не откроет местонахождение ее брата, и не сделала этого.

– У нее другая прическа, – согласилась Элинор, – но это легко изменить.

– Четыре года назад она носила очки.

– Большие, в роговой оправе, – молодая женщина улыбнулась. – Ребекка считала, что они придают ей деловой вид и помогают при заключении трудных сделок. И поверьте мне, она умела вести переговоры.

– Я вам верю, – ответил Джек, вспоминая упрямое молчание Ребекки Уотсон по поводу ее брата. Ему так и не удалось «расколоть» ее, и этот провал все еще не давал ему покоя. – Я помню, что мы с вами это уже обсуждали, но возможно, я что-то упустил. Не могли бы вы освежить мою память?

Они вернулись к своим местам, и Элинор жестом предложила ему задавать вопросы.

– Ребекка говорила с вами о нем, миссис Гэскин?

– Вы имеете в виду ее брата?

Джек кивнул.

– Она много говорила о нем. Их родители умерли, поэтому они остались вдвоем. Я волновалась не меньше, чем она, что его ранят или убьют в Афганистане. Не думаю, что она сумела бы пережить его потерю. Они были настолько преданны друг другу.

Когда ее брат вернулся домой, у Ребекки отлегло от сердца, она очень радовалась. Они отлично провели время вместе. Он заботился о Саре, заменил ей отца. Девочка обожала своего дядю. Потом...

Она горестно посмотрела на него и пожала плечами.

– Уэстборо.

– Да.

Джек вспомнил дату этой трагедии. Она оставалась в его памяти такой же отчетливой, как и имя человека, которого он до сих пор искал. Тогда, спустя пятьдесят пять дней, сестра этого человека тоже исчезла.

Прошедшие четыре года Джек Коннел всеми способами пытался найти Ребекку. Потому что, как сказала Элино́р, брат и сестра были очень преданны друг другу. Найдешь Ребекку и станешь на шаг ближе к ее брату. К сожалению, оба, казалось, обладали удивительным талантом исчезать.

Ребекка закупала бытовые приборы для универмага «Мэйси». Работа хорошо оплачивалась, существовала и система бонусов. Не предупредив, даже не оставив сообщения на автоответчике, Ребекка ее бросила. Она сразу же выехала из своей квартиры, оставив в ящике домовладельца чек, отказавшись от аренды. Это был последний чек, который она подписала. До этого дня на ее счете оставалось более двух тысяч долларов. Женщина забрала свою дочь и исчезла, доказав, что может скрываться не хуже своего брата.

– Однажды Ребекка просто не вышла на работу, – печально произнесла Элино́р. – Я звонила ей весь день, оставляла сообщения, но ответа не получила. Я подумала, что Сара могла заболеть.

После развода дочь осталась у Ребекки. После исчезновения обеих ее бывший муж поднял было шум, сам нанимал детективов, но через несколько месяцев поиски прекратил. С точки зрения Джека, он не слишком и старался. С тех пор мужчина успел снова жениться. Его новая жена была беременна. У него были другие приоритеты.

– Бывший муж Ребекки мне ничем не помог, – признался Джек своей собеседнице. – А я следил за ним несколько лет. Я знал, что исчезновение Ребекки из его жизни его не слишком расстроило, но я не мог поверить, что он с такой легкостью забыл о своей дочери.

– Он эгоистичный ублюдок и мерзавец.

Джек улыбнулся в ответ на ее пылкое заявление.

– Не могу с вами не согласиться. Его ребенок исчез, но его, казалось, больше волнует то, во сколько ему обойдутся услуги частного детектива, искавшего девочку.

– Он полагался на вас.

– Гм, не совсем. Он заявил мне, что я не способен найти даже вонючую кучу дерьма на белой розе.

– Очаровательно.

Потом Элино́р добавила:

– Они с братом Ребекки ненавидели друг друга. Вы об этом знали?

– Об этом мне Ребекка сказала.

– Это была взаимная и страстная неприязнь.

Джек быстро исключил бывшего мужа Ребекки из списка тех людей, к кому ветеран и снайпер обратился бы за помощью. Они враждебно относились друг к другу с момента замужества Ребекки.

– Элино́р, скажите мне правду. После того, как исчез ее брат, пока я пытался его найти, Ребекка знала, где он был?

– Она клялась мне, что не знает. Я говорила вам об этом четыре года назад. И тогда я сказала вам, что я ей поверила.

– Все лгут, – мягко заметил Джек, как будто развенчивая миф перед ребенком. – Люди лгут лучшим друзьям. Они лгут властям, особенно когда хотят защитить того, кого любят. И то, что Ребекка мгновенно оставила свою жизнь здесь, не позволяет верить ей. Только не в моей истории.

– Я с вами полностью согласна, – будущая мать чуть улыбнулась специальному агенту. – Но если дело касается ее брата, то ей можно доверять на сто процентов, не правда ли?

* * *

Когда Джек Коннел приехал в офис ФБР на Манхэттене после визита к Элино́р Гэскин, он прошел сразу в свой кабинет, не отвлекаясь на посторонние разговоры, и закрыл дверь. Сев за стол, он ответил на срочные электронные письма и звонки, но не сделал ничего из того, чем он обычно занимался утром в понедельник.

Отложив все остальные дела, специальный агент открыл ящик стола, в котором хранилась потрепанная папка с фамилией, напечатанной красными чернилами. Бросив папку на стол, Джек обругал и фамилию, и человека, носившего ее, потом открыл папку, перелистал страницы, нашел фото Ребекки Уотсон, сделанное им самим четыре года назад. Тогда он следил за ее квартирой, надеясь, что ее брат там появится.

Сходство между ней и женщиной из видеосюжета в новостях было очевидно. Но Джек не смог бы поручиться, что это одна и та же женщина. Он не верил и уверениям Элино́р Гэскин, хотя не сомневался в ее убежденности.

Пять минут спустя, когда в дверь постучали, он все еще сравнивал фотографии. В кабинет сунул голову его коллега, аналитик Уэс Грир.

– Теперь можно?

– Конечно, заходи.

Джек позвонил Гриру, чтобы попросить его об одолжении, пока шел от квартиры Элино́р Гэскин до ближайшей станции подземки. Грир – спокойный, бледный, совершенно не заметный – был блестящим аналитиком. И он умел держать язык за зубами, а это, с точки зрения Джека, определенно было достоинством.

Гир уселся напротив Джека.

– Я звонил на телеканал в Олимпии и поговорил с репортером, который освещал марш протеста. Сотни протестующих стояли в пикете. Но именно эту группу привезли к Капитолию из Сиэтла. Почему именно их они засняли? Репортер сказал, что они были самыми громкоголосыми и демонстративными.

– Ты проверил Сиэтл?

– В округе всего лишь одна Ребекка Уотсон, 1941 года рождения, живет в доме престарелых. Следовательно...

– Она слишком старая. Проклятье!

– Я буду искать еще. Заброшу сеть побольше.

– Спасибо, Уэс.

Тот встал, дошел до двери и остановился.

– О, я чуть не забыл. В прошлую пятницу – ты уже уехал на выходные – я получил новую информацию о футбольном тренере из Солт-Лейк-Сити. Он может ходить, но никогда больше не ударит по футбольному мячу. Его работа тренером в прошлом.

– Он сам сказал тебе об этом?

Грир покачал головой.

– Я нашел хирурга, который собирал по частям его бедро. Он сказал, что понадобилось много суперклея.

– Это был эвфемизм?

– Я не уверен. Врач сказал, что кости разлетелись вдребезги.

– А что сказал тренер?

– Ничего. Как только я представился, он повесил трубку. Как и остальные.

Джек посмотрел на папку.

– Не могу их за это винить. Они боятся говорить.

– Я бы тоже боялся.

– Есть идея, кто следующий?

– Работаю над этим, – ответил Грир. – Но ты знаешь, все это накапливается.

– Пока не отвлекайся от Сизтла.

Грир ушел. Джек несколько секунд отсутствующим взглядом смотрел на закрывшуюся дверь, потом перевел взгляд на папку. Отодвинув в сторону фото Ребекки Уотсон, он посмотрел на снимок, лежавший под ним. Это была фотография ее брата.

Она была сделана до того, как этот мужчина стал сердитым и желчным, потерял способность улыбаться. На снимке в уголке его рта притаилась усмешка. Но если изучать фото столь же часто и пристально, как это делал Джек, то можно было рассмотреть намек на складки вокруг рта. Они предсказывали трагедию Уэстборо.

Джек еле слышно задал вопрос, который задавал уже тысячу раз:

– Где же ты прячешься, сукин сын?

Глава 9

Джеф, переключавший каналы телевизора, бросил пульт управления, чтобы ответить на звонок мобильного телефона.

– Алло?

– Джеф? Это доктор Батлер. Я звоню из клиники.

Проклятье!

– Угу.

– Я включила громкую связь, и рядом со мной доктор Джеймс. Мы хотели бы узнать об Эмори. Она не вышла на работу сегодня утром, и мы не смогли с ней связаться ни по мобильному, ни по домашнему телефону. Все в порядке?

Джеф сел и спустил ноги с кровати.

– Она уехала из города на выходные.

– Нам это известно. Но мы так поняли, что она должна вернуться к сегодняшнему утру. К ней на прием записаны пациенты. Сначала мы подумали, что она просто опаздывает, хотя это совсем на нее не похоже. Наш администратор уговорила некоторых пациентов прийти в другой раз, чтобы исправить ситуацию. На какое-то время это помогло, но сейчас в приемной собралась толпа. Если Эмори не появится в ближайшее время, администратору придется записывать пациентов на другие дни.

– Вам лучше именно так и сделать. Я говорю о записи пациентов на другие дни.

– На завтра?

– Думаю, вам вообще не стоит записывать к ней пациентов, пока... пока мы не будем знать наверняка, что она вернется.

Джеф слышал, как коллеги Эмори перешептывались, но разобрать слова ему не удалось. Наконец он услышал голос доктора Джеймса:

– Мы не знаем, как об этом спросить, Джеф. Остается только прямой вопрос. Что происходит? Личная жизнь Эмори нас не касается, но она не пришла на работу, оставила своих пациентов, это совершенно на нее не похоже. Мы позвонили в больницу, чтобы узнать, была ли она на обходе сегодня утром. Нам сказали, что вы звонили вчера, спрашивали о ней и выражали некоторую озабоченность. Вы уже поговорили с Эмори?

– Нет. – Понимая, что он дольше не может держать все в тайне, он поделился тревожной новостью: – Правда в том, что я не разговаривал с ней с вечера пятницы. Но, – поспешил он добавить, – в четверг вечером мы поссорились. Это был настоящий скандал, честно говоря. Когда Эмори не позвонила в выходные, я решил, что она не хочет со мной разговаривать. Глупо, но я решил подождать, пока она остынет.

– Вот как...

Два слова, но Нил Джеймс произнес их так, что они упали словно нож гильотины. Он всегда недолюбливал Джефа, у него был высокомерный вид, что было легко с его-то коротким носом.

Стараясь говорить так, чтобы это не было похоже на то, что он оправдывается, Джеф продолжал:

– Я не волновался, потому что Эмори не сказала точно, когда вернется. Она упоминала о том, что проведет в мотеле и ночь субботы. Поэтому я начал тревожиться только в воскресенье после обеда, когда она мне так и не позвонила.

– Вы не говорили с ней с вечера пятницы?

– Именно так.

Шокированная доктор Батлер поинтересовалась, сообщил ли Джеф о необъяснимом отсутствии Эмори в полицию.

– Да. Я приехал в Дрейкленд вчера и начал ее поиски с мотеля, в котором она ночевала в пятницу. Она рано пообедала в кафе по соседству. Потом Эмори позвонила мне из своего номера и сказала, что больше выходить не собирается. На этом след оборвался.

– Она совершала пробежку в субботу утром, верно? – уточнила доктор Батлер. – Кто-нибудь видел, как Эмори выходила из мотеля?

– Нет. Но вы же ее знаете. Ей нравится рано вставать, поэтому она, скорее всего, ушла еще до рассвета. Администратор взял с нее плату за номер накануне вечером, поэтому у нее не было необходимости общаться с ним, когда она уезжала.

– И вечером в субботу она в мотель не вернулась?

– Нет, но она этого и не планировала. Эмори забрала все свои вещи, когда уходила.

– Следовательно, у нас еще больше оснований для тревоги, – заметил доктор Джеймс.

– Вы правы, – согласился Джеф. – Как только я узнал об этом, я сообщил об исчезновении жены в офис шерифа.

– И? Что они сказали? Что они предпринимают?

– Пока ничего. Мне сказали, что паниковать еще рано, но мы же с вами знаем, что это не в характере Эмори. Я объяснил это офицеру, с которым разговаривал. Даже если она сердита на меня, она никогда бы не подвела своих пациентов.

– Что мы можем сделать?

По голосу доктора Батлер, Джеф понял, что она очень встревожена, но старается гнать прочь мысли о самом плохом. Он сказал:

– Пока держите оборону здесь. Эмори было бы неприятно причинить неудобства пациентам. Как только я что-то узнаю, я сразу же вам сообщу. Я должен вернуться в офис шерифа через час.

– Возможно, вам следует выехать немедленно. Час ожидания это потерянное время.

Джеф не спрашивал совета у доктора Джеймса, и ему было неприятно, что он дает ему указания, как себя вести, но он ответил спокойно:

– Я уже выходил из номера, когда вы позвонили.

Пообещав информировать коллег Эмори и попрощавшись с ними, он посмотрел на себя в большое зеркало. Его фланелевые брюки и шелковый свитер будут выделяться в местности, где все носят комбинезоны, но ни за что на свете он не хотел бы слиться с толпой.

Джефа пугало то, что ему предстояло сделать, но его радовала возможность уйти из номера мотеля, который оставлял желать лучшего.

Дрейкленд был административным центром крупного и большей частью сельского округа. В офисе шерифа было многолюдно, несмотря на плохую погоду. Вернее, как раз из-за нее. Пока Джеф ждал своей очереди в приемной, пытаясь держать полы своего длинного пальто подальше от грязного пола, мимо него двигался постоянный поток официальных и гражданских лиц, входивших и выходивших, занятых проблемами, вызванными снегопадом, как, например, перевернувшийся на автостраде многотонный грузовик, перегородивший движение в обоих направлениях.

Одна женщина громко жаловалась на то, что у нее рухнула крыша в конюшне, и лошади оказались в ловушке. Управляющий из хозяйственного магазина писал заявление о краже керосиновой лампы.

Просто цирк какой-то!

Наконец вышел помощник шерифа, с которым Джеф разговаривал накануне вечером, и знаком пригласил его подойти.

– Мне жаль, что я вижу вас здесь, мистер Сюррей.

– Я говорил вам, что она не просто сбежала.

– Идемте со мной.

Впереди помощника шерифа Сэма Найта двигался его большой живот. Он провел Джефа через помещение для инструктажа, где измученные на вид полицейские пытались справиться с потоком людей из приемной. Найт махнул рукой в сторону стула перед его заваленным бумагами столом и сам плюхнулся во вращающееся кресло. На табличке с его фамилией было указано его звание «сержант детектив». Джеф подумал, что Найт просто деревенщина, и это звание не для него.

Он сказал:

– Моя жена – ответственный человек. Она бы никогда...

Найт поднял руку, толстую и розовую словно ветчина.

– Не спешите, мистер Сюррей. Сначала мы должны выполнить все формальности.

Он надел очки для чтения, постучал по клавишам компьютера, пока на экране не появился бланк заявления.

– Полное имя миссис Сюррей?

Джеф объяснил, что Эмори не меняла фамилию.

– И она доктор Шарбонно.

– Как пишется *Шар-ба-но*?

Медленно тыкая пальцами в клавиши, Найт заполнил все поля с основной информацией об Эмори: номер карты социального страхования, возраст, рост, вес.

– Пять футов шесть дюймов. Сто двадцать фунтов. Значит, она... стройная? – детектив уставился на Джефа поверх очков со стеклами, на которых остались следы пальцев.

– Да. Моя жена в прекрасной физической форме. Она бегает на длинные дистанции. Марафоны.

– Ага, вы упоминали об этом вчера вечером.

Потом детектив спросил о цвете волос Эмори.

– Блондинистые. То есть светло-русые с высветленными прядями. Вот такой длины, – Джеф коснулся своей ключицы.

– Глаза?

– Ореховые.

– В чем она была одета?

– Я не знаю.

Руки Найта застыли над клавиатурой. Он повернул голову, чтобы посмотреть на Джефа, и тот несколько нетерпеливо объяснил:

– Когда я видел жену в последний раз, на ней были джинсы, коричневые сапожки и желтовато-коричневый свитер. Куртку она несла в руке. Но как я вам уже говорил вчера вечером, в субботу она собиралась бежать на длинную дистанцию. Полагаю, она вышла из мотеля в костюме для бега.

– Что она обычно надевала?

Джеф назвал все, не забыв о брендах.

– Вещи отличного качества, созданные специально для серьезных бегунов. Она рассчитывала на холодную погоду. На ней наверняка была куртка на «молнии», какое-нибудь термобелье. Перчатки. Обычно она надевает на голову повязку, чтобы ушам было тепло и волосы не падали на лицо. Возможно, солнечные очки.

– У вас есть ее фотография?

– Дома. Но в Интернете много ее снимков.

Найт написал фамилию в поисковике, и сразу же на экране появилось не меньше двух десятков фотографий.

– Это она?

Джеф кивнул, когда помощник шерифа указал на снимок Эмори, сделанный в тот момент, когда она вместе с докторами Батлер и Джеймсом перерезала ленточку на открытии их клиники.

- Красивая леди.
- Спасибо.
- Какой она врач? – спросил Найт.
- Педиатр.
- Эти двое ее партнеры?
- Да. Я говорил с ними полчаса назад. Им она тоже не звонила.
- Они хорошо ладят?
- Разумеется.
- Никакого профессионального соперничества?

Джеф в отчаянии с силой выдохнул.

- Вы рубите не то дерево. Ее коллеги очень встревожены.

– Ладно. Я просто спрашиваю. Я буду спрашивать много такого, что вам может показаться несущественным или просто неприличным. Но, к сожалению, неудобные вопросы иногда необходимы. Это самая неприятная часть моей работы.

Джеф сомневался в точности этого утверждения, но спорить не стал.

Найт тем временем посмотрел другие снимки.

- Ваша жена – активная женщина.
- Очень.
- Вы уверены, что она не уехала куда-то по делам благотворительности?

Джеф глубоко вздохнул и медленно выдохнул.

– Она приехала сюда в пятницу днем, чтобы утром в субботу пробежать дистанцию в горах для тренировки.

- Вы знаете маршрут или название горы?
- Эмори показывала мне карту. Если я ее увижу, то смогу вспомнить.
- Вы знаете, в каком парке?
- А разве здесь не один парк?

Найт просто смотрел на него несколько секунд, потом сказал:

– Только в этой части Северной Каролины у нас четыре национальных лесных парка. Они соединяются с заповедниками в Теннесси. А если направиться на юг, в Джорджию...

– Я начинаю понимать, – Джеф решил прервать этот урок географии. – Я не знаю, какой именно парк или какая гора. Но ночевала она здесь в Дрейкленде, поэтому логично было бы начать поиски с ближайшего туристического района.

На лице Найта появилось пессимистическое выражение.

– Все равно нам придется осмотреть много квадратных миль.
– Мне жаль, что я не знаю большего о ее маршруте. Но одно я знаю наверняка: жена никогда бы не уехала «по делам благотворительности», не предупредив меня.

Абсолютно не тронутый его нетерпением Найт сказал:

- Вероятно, это так. А как насчет членов семьи?
- Кроме меня у нее никого нет.
- Никого, кого она решила бы навестить и у кого могла задержаться?
- Нет.
- Друзья?

– Я обзвонил всех, кого только смог вспомнить. Никто не видел ее и не разговаривал с ней. И это значит... что с ней что-то случилось.

Детектив наклонился вперед и вцепился пальцами в край стола.

– Вы боитесь худшего, мистер Сюррей. Не вините себя. Я бы, вероятно, тоже так себя вел на вашем месте. Скажу вам только одно: за двадцать с лишним лет, которые я проработал в этом офисе шерифа, я нашел всех, кого считали пропавшими. Девяносто девять и девять десятых процента людей находились. Всего лишь одна десятая процента пропавших становились сюжетом для вечерних новостей и поводом для наших ночных кошмаров. Так что сохраняйте позитив, договорились?

Джеф кивнул.

– Я постараюсь.

– Прежде всего мы начнем искать ее машину.

Он вызвал помощника шерифа, которую он называл Мэриджо, и сообщил ей марку, модель и номерной знак машины Эмори, полученные от Джефа. Он предупредил, что это срочно. Мэриджо пообещала сразу же заняться поисками, но предупредила, что главным препятствием станет погода.

– Всюду машины съезжают в кюветы с обледеневших трасс. Вчера закрыли почти все горные дороги, по которым редко ездят. Но я попрошу поискать машину полицию штата. Разумеется, мы говорим о *трех* штатах, если вы не хотите, чтобы мы искали еще и в Южной Каролине, тогда их будет четыре.

На Джефа это произвело впечатление. Она умела сложить три и один...

Когда женщина ушла, Найт вызвал другого помощника шерифа и представил его как Бадди Грейнджа. Тот обменялся с Джефом рукопожатием и подвинул стул, чтобы сесть с ними рядом.

– Я получил электронное сообщение от Сэма об исчезновении вашей жены. Я готов действовать.

– Замечательно, – отозвался Джеф, стараясь, чтобы в его голосе не прозвучала издевка. – Когда же мы действительно начнем искать ее?

– Сначала несколько вопросов, – сказал Найт. – Могло ли у Эмори быть оружие?

– Оружие?

– Люди, отправляющиеся в горы, как правило, берут с собой какое-то средство для защиты. Перцовый баллончик. Отпугиватель для медведей. По-моему, это все ерунда, но люди чувствуют себя спокойнее...

– Сейчас зима. Разве медведи не ложатся спать?

– В теории это так, – Найт улыбнулся. – У вашей жены есть пистолет?

– Боже, нет. И ничего из того, что вы перечислили. Во всяком случае, я об этом не знаю.

– А у вас есть оружие?

– Да. И у меня есть разрешение на него, – Джеф достал бумажник из бокового кармана и показал им документ, выданный штатом Джорджия. – Я готов показать вам пистолет. Он лежит в машине, в отделении для перчаток.

– Хорошо, с этим позже, – Найт посмотрел на Грейнджа, потом снова на Джефа. – Вы сказали, что ваша жена уехала в пятницу, но вы приехали к нам только вчера вечером. То есть прошло около сорока восьми часов, верно?

– Это было ошибкой с моей стороны, *ужасной* ошибкой. Теперь я это понимаю.

– Почему вы ждали? – спросил Грейндж. Имя «Бадди» ему не подходило. Он был моложе, стройнее, внимательнее Найта. В нем не было ничего простецкого.

– Эмори упоминала о том, насколько непросто будет бежать по выбранному ею маршруту. Все дело в высоте. К тому же в прошлом году у нее был маршевый перелом правой ступни. Ее это беспокоило.

Все эти причины заставили Эмори предполагать, что пробежка будет изнурительной. Она сказала мне, что, возможно, не захочет ехать домой в субботу и останется еще на ночь, чтобы отдохнуть. Когда она мне не позвонила, я решил, что она так и поступила.

Грейндж задал следующий вопрос:

– Вы бы могли назвать вашу жену сознательной?

– Он назвал ее ответственной, – вставил Найт.

– Эмори именно такая, – не растерялся Джеф, – очень сознательная и ответственная.

Грейндж нахмурился.

– Тогда, как мне кажется, вам следовало бы встревожиться, когда она не позвонила вам, чтобы предупредить о том, что не вернется домой в субботу вечером.

– Я беспокоился.

– Но вы ждали еще двадцать четыре часа, прежде чем приехать сюда и начать ее искать.

– Я уже признал, что это было ошибкой с моей стороны. Но я говорил *ему*, – Джеф указал на Найта, – *вчера вечером*, что я боюсь, как бы с Эмори чего-нибудь не случилось. Он сказал, что тревожиться не о чем. Если вы и это... – он огляделся по сторонам, его взгляд остановился на леди с рухнувшей конюшней, которая теперь оплакивала погибшую лошадь. – Если это плохо организованное отделение ничего не предпринимало по поводу необъяснимого исчезновения моей жены еще двенадцать часов, то это ваша вина, а не моя.

С выводящей из себя сдержанностью Найт парировал:

– Вас никто не обвиняет, мистер Сюррей.

– Мне так не показалось. Слова вашего коллеги я воспринимаю как инсинуацию.

Грейндж невозмутимо спросил:

– В чем же инсинуация?

– Вы говорили о пренебрежении с моей стороны. О безразличии. Ни то, ни другое не является правдой.

Найт снова подался вперед и улыбнулся своей простецкой улыбкой.

– Детектива Грейнджа нельзя обвинить в инсинуации, мистер Сюррей.

Джеф холодно посмотрел на них обоих, но не произнес ни слова.

– Вот только... есть одна вещь, – Найт поерзал в своем кресле и поморщился так, словно страдал от геморроя. – Помните ту одну десятую процента пропавших людей, о которой я уже упоминал? Обычно тот человек, который заявляет об их исчезновении, как раз и знает, где они находятся.

Глава 10

Все доверие, которое он сумел завоевать, исчезло в ту секунду, когда она увидела проклятый камень и сделала логический вывод.

Женщина бесновалась несколько минут, отбиваясь словно дикая кошка. Он пытался умирить ее, не причинив боли, но она продолжала царапаться, кусаться и бить его. Один из ее кулаков попал по царапине на его щеке, нанесенной накануне. Рана открылась и снова начала кровоточить. Но Эмори не прекратила драться с ним, пока не выбилась из сил. Иначе она не была бы такой покорной, какой была теперь.

Покорной – да, но при этом натянутой как струна арфы. Он отнес ее на диван, и она сидела там, обхватив себя за локти, в буквальном смысле сдерживая себя. Он подошел к ней и протянул стакан с виски.

– Держи. Выпей это.

– Черта с два, – женщина оттолкнула стакан, выплеснув бурбон на него.

– Даром пропадает хороший напиток, – он слизнул его с тыльной стороны руки.

– Тебе бы хотелось напоить меня, верно? Чтобы со мной было легче справиться?

– Я налил слишком мало для того, чтобы ты опьянела. Виски просто помогло бы снять напряжение.

– Я не хочу снимать напряжение, благодарю, – Эмори вскинула голову и свирепо посмотрела на него. – Почему камень не сработал?

– Он сработал. Ты потеряла сознание.

– И тогда ты принес меня сюда.

– На самом деле я донес тебя до моего пикапа. Ты приехала сюда, полулежа на пассажирском сиденье. Ремень безопасности не позволял тебе сползти на пол кабины.

– Зачем ты привез меня сюда? – Она смотрела на него не только со страхом, но и с недоумением. – Если ты хотел убить меня, почему ты просто не придушил меня, пока я была без сознания?

– Это неинтересно.

Эмори жестом указала на потолок.

– Стоит ли мне ждать того, что ты подвесишь меня на эту перекладину и выпотрошишь словно оленя?

Мужчина посмотрел вверх и нахмурился.

– Слишком сложно. Сначала втаскивай наверх, потом отмывай всю эту кривицу. Почему бы нам просто не выпить виски, приправленного ядом? – Он снова протянул ей стакан, а когда она не шевельнулась, спросил: – Нет? Ну ладно.

Он выпил виски сам. Пусть она не хочет снять напряжение, но он чертовски в этом нуждался. Поставив стакан на придиванный столик, он произнес:

– Видишь ли, я просто шутил.

Эмори шутить не хотелось, она продолжала обнимать себя, раскачиваясь взад и вперед, явно пребывая в смятении.

– Я только поверила...

– Во что?

– Что ты не хотел причинить мне вред.

– Я не хочу.

Эмори коротко хохотнула и посмотрела на коричневый пакет, лежавший на обеденном столе.

– Хотя все свидетельствует об обратном.

Сжавшаяся в комок на краю кровати, она казалась маленькой, беспомощной, испуганной. Он восхищался силой ее воли, которая не позволяла ей расплакаться, хотя в ее глазах блестели слезы. Очевидный страх Эмори подействовал на него куда сильнее, чем ее вопли и удары.

Он присел на корточки возле нее, не обращая внимания на то, что она сжалась еще сильнее, только бы их плечи не соприкоснулись.

– Я не хотел, чтобы ты увидела камень.

– Тогда тебе следовало лучше его спрятать.

– Я положил камень в ящик для дров на время. Мне просто не пришло в голову, что ты станешь в нем копать.

– Любого бы не ожидал увидеть в нем такое.

– Да, я понимаю. Камень с твоими волосами и кровью на нем. Я знал, что ты расстроишься, когда это увидишь.

– Ты чертовски прав, – с жаром ответила Эмори. – Я ведь поверила тебе, когда ты сказал, что я упала.

– Я этого не говорил, ты сама так подумала. Я сказал, что нашел тебя лежащей без сознания.

– Потому что ты огрел меня по голове вот этим камнем!

– Нет, Док. Я этого не делал.

– Ты сохранил его как трофей?

Мужчина не удостоил эту реплику ответом.

Эмори застонала.

– Я бы предпочла, чтобы ты с этим наконец покончил.

– С чем это?

– С тем, что намерен со мной сделать. Мне незачем было бы и дальше бояться этого. Ожидание убивает меня. Или это часть мучений?

Ее руки легли на колени и сжались в кулаки с такой силой, что пальцы побелели. Они были бледными и холодными на ощупь, когда он накрыл их своей рукой.

Эмори попыталась вырваться из-под его ладони, но он ей не позволил.

– Посмотри на меня.

Она повернула голову и взглянула прямо ему в глаза. Ее глаза были ореховыми, скорее зелеными, чем карими. Оранжевые искорки в них, которые он принимал за игру света, оказались реальными. На таком расстоянии он мог сосчитать их.

– Я ничего тебе не сделал. И *не сделаю*. Сколько еще раз я должен это повторить, чтобы ты мне поверила?

– Я поверю, как только ты позволишь мне поговорить с...

– Не сейчас.

– Когда?

– Когда я смогу доставить тебя, не подвергая опасности.

– Но люди волнуются обо мне.

– Не сомневаюсь. Но им незачем волноваться. И тебе незачем бояться меня. Есть ли у тебя причины бояться меня?

– И это спрашиваешь ты, который не назвал мне своего имени и ничего не рассказал о себе?

– Хорошо. Если я расскажу тебе кое-что о себе, ты перестанешь драться со мной и попытаешься сбежать?

Эмори кивнула.

Он знал, что это ложное обещание, но возможно, женщина успокоится, если он расскажет ей то, что никак не затронет его тайну.

– Я тоже потерял обоих родителей.

– Ты любил их?

– Да.

– Они умерли до или после... того, что ты совершил?

– До. И я этому рад.

– А что ты сделал?

– Не спрашивай меня снова, Док. Я тебе не скажу, – он посмотрел вниз на свою руку, прикрывавшую ее пальцы, и понял, что его большой палец инстинктивно поглаживает их. В его мозгу закружились эротические картинки других мест на ее теле, которые он хотел бы ласкать.

– Если я тебе скажу, ты по-настоящему станешь бояться меня.

Двигаясь быстро, не давая себе возможности нарушить любое из данных им обещаний, он убрал свою руку и встал. Стоя к ней спиной, он взял пакет со стола и сунул себе под мышку. Потом он подошел к двери, взял с вешалки куртку, шарф и шапку.

– Пока ты со мной дралась, у тебя открылась рана на голове. Волосы испачканы свежей кровью. Возможно, тебе следует изменить свое мнение по поводу душа.

Он бесшумно закрыл за собой дверь и остановился на крыльце, чтобы надеть верхнюю одежду. Сильный ветер гнул верхушки деревьев, швыряя ему в глаза снег и ледяную пыль, пока мужчина шел через двор к сараю.

Он положил пакет на верхнюю полку и загородил его мотком проволоки. Потом он вытащил деревянную паллету из сарая, бросил ее возле колоды, на которой рубил дрова. Складывать недавно наколотые дрова на паллету это бездумная работа, поэтому он мог делать ее не думая.

И это позволяло ему сосредоточиться на Эмори Шарбонно.

Его тревожило то, что ее инстинктивное недоверие было настолько сильным.

И это волновало его еще сильнее, потому что это недоверие было оправданным.

Никто и ничто еще ни разу не отвлекало его от принятого решения. Ей это удалось. Он искренне заботился о ней, и в этом была потенциальная опасность. Все могло рухнуть. Он с этим боролся, но чувствовал, как у него уходит земля из-под ног всякий раз, когда он на нее смотрит... и каждый раз, когда она смотрит на него.

Он сделал три ходки от кучи дров до поленицы, сложенной вдоль южной стены хижины, где поленья были хотя бы наполовину укрыты от непогоды. Закончив с этим, он вернул паллету обратно в сарай.

Задержавшись там, укрытый от снега и ветра, он стащил перчатки и вытащил из кармана джинсов серебряный брелок. Из рта мужчины вырывался пар.

Эмори не заметила, что его не хватает, и он надеялся, что она о нем не вспомнит и не попросит вернуть. Потерев его между большим и указательным пальцами, он признался самому себе, что повел себя как юнец, до глупости сентиментально, тайком взяв вещь, принадлежащую ей. Никогда в своей жизни он не хранил ничего, что напоминало бы ему о какой-нибудь женщине, даже если она сама дарила ему сувениры. *Особенно* если она дарила ему что-то на память о себе.

Он не романтик и никогда им не был. Когда он не заказал цветы для своей девушки, с которой встречался в выпускном классе, Ребекка вышла из себя.

– Кто обращает внимание на такую ерунду? – проворчал он тогда.

Она в сердцах сказала:

– Я! Мне не все равно, что мой брат полный и абсолютный олух!

И сестра сама заказала цветы для его девушки.

Ребекка ни за что не поверила бы, узнай она об Эмори...

Но она никогда о ней не узнает. Никто не узнает. Время, которое она проведет с ним, будет тайной, которую он унесет с собой в могилу. Он должен ее отпустить. И он ее *отпустил*. Во всяком случае, на память о ней ему останется этот серебряный брелок.

Он убрал его обратно в карман и снова надел перчатки. Прежде чем выйти из сарая, он посмотрел на полку, на которой спрятал пакет, чтобы убедиться, что на этот раз он хорошо его спрятал. Потом мужчина вышел и закрыл за собой дверь на защелку. На пороге хижины он потопал ногами, чтобы стряхнуть с сапог мокрый снег, потом толкнул дверь.

Когда он вошел внутрь, то почувствовал знакомый аромат своего мыла и шампуня. Эмори стояла перед камином и развешивала мокрые вещи на стульях, которые она расставила поближе к огню. Волосы у нее были влажными. Вместо костюма для бега на ней была одна из его фланелевых рубашек и его носки.

И, судя по всему, больше на ней не было ничего.

Между краем рубашки, доходившей ей до середины бедер, и носками, собранными на щиколотках, были только гладкие ноги. Это были ноги бегуны, длинные и мускулистые, с хорошо развитыми мышцами икр.

Эмори закончила развешивать легинсы для бега на спинке стула, расправила их, подвинула стул чуть ближе к огню и повернулась к хозяину дома.

— Я поймала тебя на слове и воспользовалась душем, — она жестом указала на носки и провела рукой по рубашке, на которой были застегнуты всего лишь несколько пуговиц. — Надеюсь, ты не возражаешь, что я позаимствовала это.

Он с трудом оторвал взгляд от края рубашки спереди. В ответ на ее последнюю реплику он только покачал головой.

— Так приятно чувствовать себя чистой.

Он кивнул.

— Я еще и одежду постирала.

Он перевел взгляд на мокрую одежду, но ничего не сказал.

— Кровь из ссадины на голове перестала идти.

Он хрипло пробормотал:

— Хорошо.

Мужчина снял куртку, шапку и шарф, цепляясь за них словно за соломинку, потому что вся его кровь, казалось, сосредоточилась в одном месте, и крови оказалось так много, что ему было больно.

Он подошел к кухонному шкафчику, достал бутылку виски и налил себе выпить. Не донеся напиток до рта, он остановился и посмотрел на Эмори через плечо.

— По поводу виски не передумала?

— Нет. Спасибо.

Он выпил виски. Напиток обжег ему пищевод и взорвался в желудке словно бомба. После этого у него появился повод подумать о чем-то другом кроме ее чистой гладкой кожи и того, насколько мягкой и теплой она будет под старой фланелью. И под *ним*. *Двигаясь* под ним.

— Ты говорил, что наблюдал за мной в бинокль.

— Что?

— В то утро, когда ты... Когда я упала. Ты сказал, что наблюдал за мной.

— Когда ты...

Выполняла упражнения на растяжку, нагибалась, поворачивалась.

— Когда ты была возле своей машины перед тем, как начала пробежку.

— И что ты там делал?

— Гулял.

— И больше ничего?

– Нет.

Он вцепился в край кухонного стола и продолжал смотреть в окно над раковиной. Он не настолько доверял себе, чтобы взглянуть ей в лицо.

– Почему ты обратил на меня внимание?

Твои ноги в черных легинсах. Твоя задница. Боже, эта твоя задница.

– Видишь ли, я просто рассматривал местность в бинокль, любуясь видами. Думаю, я заметил движение.

– Почему ты не поздоровался со мной?

– Слишком далеко. Но мне стало любопытно.

– Почему? Разве я не выглядела как любой человек, отправившийся на пробежку?

– Ну да, только я гадал, почему ты одна. Большинство людей, если они бегают по пересеченной местности, делают это в компании.

– Но ты же был один.

– Я к этому привык.

Из крана капало. Какое-то время шорох падающих с интервалом в пятнадцать секунд капель был единственным звуком в комнате. И во всем мире.

Потом Эмори сказала:

– Есть одна вещь, о которой мы не говорили.

Мужчина повернул кран, пытаясь определить, сможет ли это остановиться течь.

– Прошу прощения?

– Этим утром я спросила тебя, как ты выносишь тишину, скуку и одиночество. Мы поговорили о тишине и скуке, но не об одиночестве.

Вода перестала капать, но он крепко вцепился в оба крана, как будто хотел сорвать их с крепежа.

– Разве тебе не бывает одиноко?

Ему это показалось, или она действительно понизила голос?

– Иногда.

– И что ты с этим делаешь?

Нет, это не было игрой его воображения. Ее голос интимно вибрировал. Он был хриплым, словно она в конце концов все-таки выпила виски, и напиток обжег ей горло. Он оторвал пальцы от кранов и медленно повернулся к ней. Эмори стояла возле обеденного стола, как будто ожидая от него сигнала, как ей следует поступить дальше.

– Полагаю, ты говоришь не об одиночестве вообще, верно, Док?

Она плавно повела плечами. Это могло означать что угодно.

– Ты спрашиваешь, не одиноко ли мне без женщины?

– А тебе одиноко?

– Часто.

– И что ты тогда делаешь?

– Иду и нахожу ее.

Его прямолинейность произвела именно тот эффект, на который он рассчитывал. Она ее шокировала.

– Так, как ты нашел меня?

– Нет. С тобой все было иначе. Ты оказалось случайной находкой.

Она нерешительно обдумывала это в течение полуминуты, на мгновение встретившись с ним глазами, но потом сразу же отвела их. Он мог бы сказать, что в этот миг она решила сражаться дальше, потому что ее глаза прекратили бесцельный поиск... чего же? Может быть, храбрости. В любом случае они снова смотрели на него.

Эмори спросила:

– Ты говорил правду?

– Что?

– Когда сказал, что не сделаешь мне ничего плохого?

– Да.

Она помолчала, как будто ждала, чтобы он повторил это снова, потом произнесла:

– Спасибо тебе за то, что ты так хорошо заботился обо мне.

– Ты уже благодарила меня.

– Да, но та благодарность не в счет.

– Почему же?

– Потому что я всего лишь пыталась задобрить тебя.

– Задобрить меня?

– Я очень боялась.

– В прошедшем времени? Ты больше не боишься меня?

– Я не хочу тебя бояться.

Эмори сделала шаг к нему, потом еще один и продолжала идти, пока не оказалась от него на расстоянии вытянутой руки. Она протянула ему правую руку:

– Друзья?

Мужчина посмотрел на протянутую руку, но не принял ее. Вместо этого он положил руки ей на плечи и притянул к себе. Эмори наклонила голову, как будто для того, чтобы не смотреть ему в глаза, но не сбросила его руки, не попятилась и не сжалась, как бывало всякий раз, стоило ему подойти слишком близко.

Женщина сделала несколько мелких шажков, чтобы сократить расстояние между ними, потом прижалась лбом к его груди. Пальцы мужчины скользнули к ней на спину, притягивая ее еще ближе. Когда их тела соприкоснулись, она повернула голову, и ее щека легла туда, где билось его сердце.

Он водил руками по ее позвоночнику вверх и вниз, пока его пальцы не замерли у нее на пояснице. И остались там. И начали описывать круги с должным нажимом, чтобы ее бедра оказались прижатыми к нему. У нее перехватило дыхание.

Потом они оба перестали дышать.

Эмори запрокинула голову и посмотрела ему в лицо своими прозрачными глазами, и, когда она это сделала, все было решено. Он должен был овладеть ею. Он готов был пройти через ад, только бы оказаться внутри ее. Он тонул, тонул, тонул...

Его рот почти коснулся ее губ – так близко, что он чувствовал влагу ее дыхания на своих губах – когда мужчина взял себя в руки. Он прошептал:

– Ты почти поймала меня, Док.

Она откинула голову назад и моргнула.

– Что?

– Я почти попался.

– Не понимаю, о чем ты.

– Черта с два, ты не понимаешь. Под этой рубашкой только ты, воплощенная сексуальность, и ничего больше, – он провел пальцами по верхней части ее груди, натянувшей старую фланель. – Ты выглядишь такой мягкой и нежной, что у меня потекли слюнки.

Он потерялся о нее, как будто подтверждая свои слова.

– Ты знаешь, чего я хочу, и ты решила, что если ты дашь мне это, то *задобишь* меня, и я отвезу тебя домой. Ты только что влезла на алтарь и разлеглась там.

Он презрительно усмехнулся.

– Я оценил твой жест. Честно. И это не говоря о виде, – он слегка закинул голову назад, чтобы видеть Эмори во весь рост. – Но я не собираюсь заниматься сексом с мученицей.

Она сердито оттолкнула его и попыталась вывернуться из его объятий.

Но он не отпускал ее. На самом деле, он прижал женщину еще крепче и терся о ее бедра с откровенным намеком.

– Но я должен предупредить тебя, Док. Если ты еще раз дашь мне возможность прикоснуться к тебе, то тебе от меня уже не уйти. Мои руки побывают везде. Поняла? Я не буду представлять тебя голой, я *увиджу* тебя голой. Еще раз предложишь себя, и я забуду обо всех причинах, по которым я не должен трахнуть тебя.

Позже он гадал, что произошло бы в следующие несколько секунд, если бы грузовик не съехал с дороги и не врезался в дерево.

Глава 11

Заскрипели тормоза.

Мужчина отпустил Эмори и метнулся к одному из окон, выходящих на дорогу, как раз вовремя, чтобы увидеть, как драндулет занесло, и он врезался в дерево как раз через дорогу от ворот хижины.

В ту же секунду, когда он узнал пикап, Эмори устремила к двери.

– Черт!

Он успел ухватить ее за подол рубашки, заставив остановиться.

Она вскрикнула, но он развернул ее, резко дернул к себе и запечатал ей рот рукой.

– Слушай меня: не шуми и не высовывайся.

Эмори дернулась и постаралась сбросить его руку.

– Проклятье! Послушай же меня! Ты не захочешь иметь дела с этими парнями. Иначе тебе и в самом деле придется плохо. Поверь мне, пожалуйста. Договорились? Я серьезно, Док. Ты считаешь угрозой меня, но ты даже представить себе не можешь, что они с тобой сделают.

Каким-то образом ему удалось достучаться до нее. Ее глаза все еще были широко раскрыты и полны страха, но она перестала отбиваться.

– Я должен выйти к ним. Могу я рассчитывать на то, что ты останешься внутри?

Эмори кивнула.

– Я не пытаюсь тебя запугать, но их приезд это плохая новость. Поняла? – Она снова кивнула, и мужчина убрал руку с ее губ. – Они не должны тебя видеть.

Двигаясь очень быстро, он сорвал куртку с вешалки, распахнул дверь, вышел на крыльцо и заорал:

– Стойте там, где стоите.

Двое мужчин пересекли дорогу и подошли к воротам хижины, но остановились, услышав его окрик. Большими шагами он преодолел разделявшее их расстояние, почувствовав их запах еще на полдороге до ворот. От них несло мокрой шерстью, застоявшимся табаком, прокисшим пивом и немытым телом.

Тощие неухоженные бороденки прикрывали нижнюю треть их лиц. Шерстяные шапки были натянуты до самых бровей. Одеты почти одинаково, в тяжелые куртки и холщовые штаны, заправленные в резиновые сапоги, они отличались только ростом и тем, что мужчина пониже ростом держал в левой руке двустольный дробовик.

Они были его ближайшими соседями, но они никогда не разговаривали. Эта парочка старалась ему навредить как только могла.

Не однажды ему приходилось очищать двор от пустых винных бутылок и пивных банок, которые они выкидывали в окно пикапа, проезжая мимо. Они дважды расстреливали стену его сарая крупной дробью, возможно, из того самого дробовика, который теперь был в руках у коротышки. Как-то раз он вернулся домой и обнаружил на крыльце мертвого енота. Его смерть не была естественной, зверьку разmozжили голову.

Низость ради низости. Он презирал их.

Он сообразил, что парочка пытается спровоцировать его на разборку. Такого удовольствия он им не доставил. Вместо этого он игнорировал их гадости и всегда отворачивался, когда они проезжали мимо.

Он дожидался подходящего момента.

Теперь он был уже почти у ворот, когда мужчина с дробовиком наклонился и плюнул табачной жижей через ограду в его сторону. Вонючая гадость приземлилась как раз возле его

сапог. Другой был немного вежливее. Он коснулся края своей вязаной шапки, насмешливо отдавая честь.

– Привет, приятель. Я Норман Флойд. Это мой младший брат Уилл.

Норман ждал, пока он назовет свое имя.

Когда этого не произошло, старший Флойд указал большим пальцем себе за спину.

– У нас тут типа проблема.

– Я вижу.

Для начала, на пикапе вообще не стоило ездить. Не хватало одного переднего крыла. Все четыре шины лысые. Камуфляжная краска выглядела так, словно ее наносила неумелая рука. Отвалившуюся выхлопную трубу привязали к заднему бамперу обрывком колючей проволоки.

После столкновения с елью решетка радиатора согнулась вокруг ее ствола, и от удара дерево наклонилось под углом градусов в тридцать, демонстрируя корни. Из пробитого радиатора машины валил пар.

– Вам не следовало сегодня пускаться в путь. Слишком скользко.

– Ты прав, наверное, – Норман пожал плечами и глупо улыбнулся. Верить его улыбке точно не стоило.

Тем временем другой брат, Уилл, заглядывал во двор, с любопытством рассматривая пикап, сарай, хижину. Оставалось только надеяться, что Эмори послушалась его совета и держится вне зоны видимости.

Он бы убил обоих братьев Флойд, если бы пришлось, но на этот раз ему этого делать не хотелось.

Норман заговорил:

– Мы соседи, знаешь ли.

– Я видел, как вы проезжали мимо.

– Ты знаешь, где мы живем?

Он знал, но решил не признаваться в этом и кивком указал на искореженный грузовичок:

– Вам не следует пытаться вытащить его, пока дороги в таком состоянии.

– Мы тоже так подумали.

– Что ж, будьте осторожны. С вами все будет в порядке, если вы будете держаться обочины, где гравий не даст вам поскользнуться.

Ему очень не хотелось поворачиваться спиной к человеку с дробовиком, но еще нестерпимее была мысль о том, что братья решат, будто он их боится. Он уже почти повернулся, когда Уилл впервые подал голос:

– Ты думаешь, что мы пойдем домой пешком?

Флойд-младший выразил свое отношение к этому, снова сплюнув.

– Мы вот тут подумали, – с подвыванием сказал Норман, – что ты сможешь нас подвезти. Здесь всего миля, ну ладно, полторы мили, вверх по дороге до нашего дома.

– Раз уж вы живете так близко, то вы вполне доберетесь домой пешком и успеете до темноты. Если отправитесь прямо сейчас.

Глаза Уилла под нависшими бровями стали еще более враждебными. Он сделал пару шагов вперед и принял более воинственную позу.

В обычной ситуации скрытая угроза позабавила бы его. Он бы подумал: «Давай, урод, попробуй». Он бы дождался, чтобы один из противников набросился на него, а потом он бы отметелил их обоих. Хорошо бы ему представился такой случай. Но этот день совершенно не подходил для драки. Ему следовало принимать в расчет безопасность Эмори.

– Пешком, значит? – Норман посмотрел в небо и подставил ладонь, ловя снежинки. – Мне почему-то не кажется, что снег скоро прекратится, – он выскреб что-то из своей бороды

и посмотрел через плечо на свой грузовик. – Мы-то с Уиллом прогулялись бы. Для нас это пустяки, даже в такую собачью погоду. Вот только...

Он махнул рукой в сторону пикапа.

* * *

Эмори смотрела через щель между муслиновой занавеской и окном, как мужчина, которого она безуспешно пыталась соблазнить, открыл цифровой замок, вышел на дорогу и подошел к разбитой машине, стоявшей с распахнутой дверцей пассажирского сиденья.

Он нагнулся, заглянул внутрь и как будто говорил с кем-то. После двухминутного разговора он вернулся к мужчинам. Его лицо со сжатыми губами было мрачным и опасным. Он что-то сказал бородатой парочке, потом прошел через двор к хижине, оставив ворота открытыми.

Эмори отпрянула от окна, когда мужчина вошел в комнату.

– Они не должны тебя видеть, но ты присматривай за ними. Рассказывай мне, что они делают.

Он подошел к дивану, отодвинул его в сторону, отогнул угол ковра.

– Что происходит? Кто эти люди?

– Братья Флloyd, Норман и Уилл.

– Он просит тебя помочь им с машиной?

– Там уже ничем не поможешь. Они хотят, чтобы я их отвез.

– Куда?

– К ним домой. Что они делают?

– Помогают кому-то выбраться из пикапа. Кто это?

– Их младшая сестра.

Во время этого сухого разговора он поднял люк в полу. В прямоугольной яме под полом лежал металлический ящик, похожий на тот, который Эмори нашла под кроватью. Мужчина открыл замки и поднял крышку.

Оружие, много разного оружия.

Он взял пистолет, проверил магазин и сунул оружие за пояс своих джинсов, опустив сверху свитер и куртку, чтобы спрятать его. Пока Эмори стояла, онемев от изумления, он закрыл оружейный ящик, закрыл люк в полу, опустил на место ковер и вернул на место диван.

– Больше никаких секретов, – он махнул рукой в сторону арсенала под полом. – В случае необходимости бери что нужно. Ты умеешь стрелять?

Она смотрела на него во все глаза, когда он подошел к постели и снял наволочку с подушки. Потом он подобрал ее кроссовки и бросил их в наволочку.

– Это на тот случай, если тебе взбредет в голову сбежать до того, как я вернусь...

– *Вернешься?* – воскликнула Эмори. – Ты что, серьезно собираешься ехать с ними?

Судя по всему, так оно и было, потому что трио Флойдов направлялось к его пикапу. Коротышка с дробовиком явно намеревался проверить машину. Он пошел вперед, пока его брат с видимым раздражением вел их сестру по обледеленным плитам двора.

– Как я уже говорил, дрова сложены снаружи, вдоль вот этой стены, – он кивком указал на стену с книжными полками. Похлопав по карманам куртки, он нашел перчатки и надел их. Швырнув шарф и шапку в наволочку, он собрал ее верх в кулаке и перебросил через плечо словно мешок Санта-Клауса. – Я недолго.

Эмори преградила ему путь к двери.

– Ты сошел с ума? Они явно опасны.

– Так и есть.

– Тогда...

– Со мной все будет в порядке.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что знаю.

– Это не ответ.

– Отойди, Док.

– Они могут перерезать тебе горло.

– Это не их стиль.

– Что тебе известно об их *стиле*?

– Больше, чем мне бы хотелось.

– У тебя уже были с ними стычки?

– Не совсем.

– Что это значит?

– Я знал, кто они такие, но до этого дня мы не встречались. Они мои соседи.

– Ты же сказал, что у тебя соседей нет.

– Значит, я солгал.

– Как далеко от тебя они живут?

– Сейчас у меня нет времени это обсуждать. Уйди с моей дороги, пока они не пришли узнать, что меня так задержало.

Мужчина попытался обойти Эмори, но она ему этого не позволила.

– Ты говорил, что дороги обледенели, чтобы держать меня здесь.

– Дороги все так же опасны. Именно поэтому их развалюха врезалась в дерево.

– Тогда почему ты везешь их домой?

– Потому что девочка пешком не дойдет.

Мужчина протянул руку, снял ключи от машины с вешалки и бросил в карман куртки.

Эмори схватила его за рукав.

– Ты не можешь оставить меня здесь.

Впервые после того, как он вошел в дом, мужчина остановился, чтобы по-настоящему посмотреть на Эмори. Внезапным движением он бросил на пол наволочку и взял ее голову в ладони, большим пальцем в перчатке провел по ее нижней губе.

– Я поклялся себе, что не прикаснусь к тебе. Но мне бы очень хотелось, чтобы я все-таки тебя трахнул.

Обхватив ее бедра руками, он переставил Эмори на другое место.

– Не высовывайся, пока мы не уедем. Если они вернутся сюда вместо меня, пристрели этих сукиных детей, вопросы будешь задавать потом.

Упругим движением он подобрал наволочку, открыл дверь и ушел.

* * *

После беседы с детективами Джефу пришлось находиться в шумной приемной, где на полу таял грязный снег, принесенный посетителями с улицы. Он съел батончик, купив его в автомате, и запил его горьким, чуть теплым кофе, тоже из автомата. Затем Джеф нашел свободное кресло и оккупировал его, ожидая новостей.

Чем дольше он сидел, тем больше сердился.

Еще раньше Джеф позвонил секретарше и сказался больным, но теперь он думал о том, не стоит ли ему позвонить боссу и рассказать о том, где он находится и что происходит. Но он отговорил себя от этого, решив, что не стоит бить тревогу, пока ситуация этого не требует.

Элис волновалась за Эмори накануне днем. Но теперь она наверняка бежит по стенам. Джеф понимал, что ему следует позвонить ей, но и от этого он себя отговорил. Если Найт

и Грейндж узнают, что он звонил своей любовнице, пока его жена числится пропавшей, это будет плохо выглядеть.

Джеф прочитал «Уолл-стрит Джорнэл», поиграл в скрэббл на своем телефоне. И все это время он внутренне кипел от того, что его игнорируют. Прошел час. Не в силах и дальше выносить бездействие, он принялся ругаться сквозь зубы. Когда и это не помогло, он, рискуя потерять свое место, решился подойти к окошку дежурного и потребовать, чтобы сидящий там помощник шерифа немедленно вызвал сержанта детектива Сэма Найта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.